

В.С. Зайцев

ОДУШЕВЛЁННАЯ ПЕ-
ДАГОГИКА:
ФЕНОМЕН ПЕДАГОГИ-
ЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
К. Д. УШИНСКОГО

Учебное пособие для студентов педагогических вузов

Челябинск, 2018

УДК 378.01
ББК 74.202.45я73
З-17

Зайцев В.В. Одушевлённая педагогика: феномен педагогического наследия К.Д. Ушинского: учебное пособие для студентов педагогических ВУЗов / В.С. Зайцев. – Челябинск: Издательство ЗАО «Библиотека А.Миллера», 2018. – 72 с.

ISBN 978-5-93162-100-5

В пособии раскрывается феномен педагогического творчества великого русского педагога К.Д. Ушинского, наследие которого является мощным фактором решения актуальных проблем современного российского образования. К.Д. Ушинский – это наш современник, великий социальный мыслитель, великий реформатор отечественного образования, великий гуманист, педагогический идеал.

Пособие предназначено для студентов-бакалавров педагогических вузов, изучающих дисциплину «Философия и история образования»

Рецензенты:

Л.П. Алексеева, кандидат педагогических наук, доцент ЮУрГГПУ

Н.В. Уварина, доктор педагогических наук, профессор ЮУрГГПУ

ISBN 978-5-93162-100-5

© Зайцев В.С., 2018
© Издательство ЗАО «Библиотека А.Миллера», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение.....	4
2. Жизненный путь К.Д. Ушинского.....	5
3. Педагогическая система К.Д. Ушинского.....	12
3.1. Идея народности в воспитании.....	12
3.2. Язык есть исповедь народа.....	15
3.3. К.Д. Ушинский о нравственном воспитании.....	18
3.4. К.Д. Ушинский о семейном воспитании.....	21
3.5. Философские и естественнонаучные основы педагогической системы К.Д. Ушинского.....	22
3.6. К.Д. Ушинский о педагогической науке и искусстве воспитания.....	24
3.7. Дидактика К.Д. Ушинского.....	26
3.8. К.Д. Ушинский о народном учителе и его подготовке.....	31
3.9. Великие мысли великого человека.....	33
3.10. Последователи К.Д. Ушинского.....	34
4. Список литературы.....	35
5. Приложения.....	36

1. ВВЕДЕНИЕ

В связи с актуализацией национальных ценностей в сфере воспитания, переосмыслением концептуальных основ педагогики представляется значимым изучение феномена творческого наследия К.Д. Ушинского.

Современная духовная ситуация в России характеризуется напряженным поиском национально-культурной идентичности различных народов, новых ориентиров развития культуры и образования. Возрастает интерес к отечественной истории, народной культуре, национальным традициям, фольклору.

В связи с активизацией процесса возрождения культурно-исторического наследия различных этносов в России становится весьма актуальным изучение народной педагогики с ее богатым опытом воспитания. Это связано с расширением и углублением исторически сложившихся межкультурных связей народов многонациональной России, а также многовековым взаимодействием русской культуры с культурами других народов.

Последнее время появились активные поиски путей реорганизации педагогического образования в 21 веке. Возникли новые теории, которые имеют прямое отношение к обновлению профессиональной подготовки педагога. Так, например, необходимо обратить внимание на теорию становления и развития профессионализма учителя, целостности педагогического процесса, инновационности деятельности, субъектности и саморазвития личности учителя. Помимо всего прочего, анализируя мировые тенденции в среде образования, а именно профессионально-педагогические, выдвигаются свидетельства в необходимости предъявления самых высоких требований к личностным качествам учителя.

Новый этап педагогической мысли в стране обуславливает необходимость обращения к истокам отечественной педагогики, для того чтобы осмыслить ее идеалы, духовные и культурные ценности, для уточнения и углубления вклада в ее развитие прогрессивных ученых второй половины 19 века, а именно, основателя русской национальной педагогики и реформатора народной школы К.Д. Ушинского. Необходимо отметить тот факт, что длительное время игнорировались гуманные общечеловеческие ценности и основы воспитания личности, выработанные К.Д. Ушинским, учитывая все вышесказанное, становится актуальным новое видение и прочтение трудов К.Д. Ушинского с точки зрения гуманистических ценностей, духовного, нравственного воспитания и его видения личности учителя.

2. Жизненный путь К.Д. Ушинского

Имя Ушинского занимает особое место в русской и мировой педагогике. Он – сын украинского и русского народов. Отец педагога, Дмитрий Григорьевич, представитель древнего малороссийского дворянского рода, подобно другим отпрыскам родовитых семей, получил образование в Благородном пансионе при Московском университете. В том самом, где раскрылись творческие способности А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, князя В.Ф. Одоевского, Ф.И. Тютчева... По глубине проникновения в сущность процессов воспитания, обучения, формирования нравственных убеждений, по силе влияния на последующее развитие отечественной школы и педагогической мысли, по степени научной обоснованности его концепция не имела себе равных. Она являлась логическим звеном предшествующей истории науки о воспитании.

Соратник великого педагога и его ученик Л.Н. Модзалевский емко и точно определил место Константина Дмитриевича в истории русской культуры: «Ушинский – это наш действительно народный педагог, точно так же как Ломоносов – наш народный ученый, Суворов – наш народный полководец, Пушкин – наш народный поэт, Глинка – наш народный композитор».

Константин Дмитриевич Ушинский родился 19 февраля (2 марта) 1824 года в Туле в семье Дмитрия Григорьевича Ушинского – мелкопоместного дворянина, отставного офицера, участника Отечественной войны 1812 года, служившего чиновником. Мать Константина Дмитриевича – Любовь Степановна умерла, когда ему было 11 лет. После назначения Дмитрия Григорьевича Ушинского судьей в уездный город Новгород-Северский Черниговской губернии вся семья Ушинских переехала на жительство в этот старинный городок. Все детство и отрочество К.Д. Ушинского прошло в приобретенном отцом небольшом имении так называемом «Урочище Покровщина», расположенном в четырех верстах от Новгород-Северского на берегу реки Десны.

Первоначальное образование Константин Ушинский получил дома под руководством матери, что позволило ему в 12 лет поступить сразу в третий класс гимназии уездного города Новгород-Северского. **В гимназии Константин Ушинский был примерным учеником. Он много читал, часто был инициатором диспутов на различные темы. Как отмечали позже его биографы он терпеть не мог подхалимства среди учеников и несправедливости некоторых учителей. С особым уважением Константин Ушинский относился к директору гимназии И.Ф. Тимковскому и к учителю истории М.Г. Ерофееву. Именно от этих преподавателей гимназист Ушинский узнал о брошюре «Донесение следственной комиссии, направленной в 1825**

году против декабристов» и о деле «О политическом вольнодумстве некоторых профессоров и учащихся Нежинской гимназии высших наук». Сам К.Д. Ушинский в воспоминаниях об обучении в Новгород-Северской гимназии писал: *«Воспитание, которое мы получили... в бедной уездной гимназии маленького городка Малороссии Новгорода-Северского, было в учебном отношении не только не ниже, но даже выше того, которое в то время получалось во многих других гимназиях. Этому много способствовала страстная любовь к науке и несколько даже педантическое уважение к ней в покойном директоре Новгород-Северской гимназии, старике профессоре, имя которого известно и ученой литературе, – Илье Федоровиче Тимковском».*

В 1840 году К.Д. Ушинский после окончания гимназии поступил учиться на юридический факультет Московского университета, где слушал лекции блестящих преподавателей, в том числе таких известных профессоров как профессор истории Тимофей Николаевич Грановский и профессор философии государства и права Петр Григорьевич Редкий, который оказал немалое влияние на последующий выбор К.Д. Ушинского заняться педагогикой.

После блестящего окончания университетского курса Ушинский был оставлен в Московском университете для подготовки к сдаче магистерского экзамена. В круг интересов молодого Ушинского помимо философии и юриспруденции входили и литература, и театр, а также все те вопросы, которые волновали представителей прогрессивных кругов русского общества того времени, в частности, пути распространения грамотности и Образованности среди простого народа.

В июне 1844 года ученый совет Московского университета присудил Константину Ушинскому степень кандидата юриспруденции, а в 1846 году он был назначен исполняющим обязанности профессора камеральных наук на кафедру энциклопедии законоведения, государственного права и науки финансов в ярославский Демидовский юридический лицей.

Однако прогрессивные демократические взгляды молодого профессора, его глубокая эрудиция, простота в обращении со своими учениками вызвали недовольство руководства лицея, что в конечном итоге привело к конфликтам с начальством лицея, доносам вышестоящему начальству на Ушинского со стороны руководства лицея и установления негласного надзора за ним. Все это привело к тому, что в 1850 году Ушинский был вынужден подать в отставку. После своей отставки из Демидовского лицея Ушинский некоторое время зарабатывал себе на жизнь переводами статей из иностранных журналов, рецензиями и обзорами в журналах, а все его попытки устроиться снова на преподавательскую должность оказывались тщетными.

Через полтора года безуспешных попыток устроиться на преподавательскую работу в Ярославле К.Д. Ушинский переехал в Санкт-Петербург, где пер-

воначально он смог устроиться только на должность столоначальника департамента иноземных вероисповеданий Министерства внутренних дел – достаточно мелкую чиновничью должность. Летом 1851 года, когда К.Д. Ушинский находился в служебной командировке в Черниговской губернии, он женился на подруге своего детства Надежде Семеновне Дорошенко, происходившей из древнего украинского казацкого рода.

В ноябре 1854 года, благодаря помощи бывшего коллеги по Демидовскому лицей – директора Гатчинского сиротского института П.В. Голохвастова, бывшего ранее его начальником в Демидовском лицее, К.Д. Ушинский получил назначение в этот институт старшим учителем русской словесности и юридических предметов. Гатчинский сиротский институт представлял собой закрытое среднее профессионально-юридическое учебное заведение, которое находилось под покровительством императрицы. Его задачей было воспитание людей, верных «царю и отечеству» – его воспитанники (свыше 600 человек) предназначались к занятию различных должностей в многочисленных департаментах и министерствах, а применяемые для этого методы славилась своей строгостью. Так за небольшую провинность воспитанника могли посадить под арест в карцер, на прогулку за стены института воспитанники могли выходить только по субботам и воскресеньям. **Сам Ушинский так характеризовал позже институтские порядки; «Канцелярия и экономия наверху, администрация в середине, учение под ногами, а воспитание – за дверьми здания».** Интересно, что за пять лет своей преподавательской работы в этом учебном заведении К.Д. Ушинскому удалось изменить старые и внедрить новые порядки и традиции в институте, которые сохранялись в нем вплоть до 1917 года. Так ему удалось начисто искоренить фискальство, доносительство, которое, как правило, характерное для учебных заведений закрытого типа, ему удалось изжить воровство, так как самым суровым наказанием для воров стало презрение товарищей. Чувство настоящего товарищества К.Д. Ушинский считал основой воспитания.

Уже через полгода своей службы в Гатчинском сиротском институте К.Д. Ушинский был повышен по службе и назначен инспектором классов.

В стенах этого учебного заведения К.Д. Ушинский обнаружил архив одного из прежних инспекторов Гатчинского сиротского института – Егора Осиповича Гугеля, в котором он нашел, как писал позже сам Ушинский, «полное собрание педагогических книг».

Найденные книги оказали огромное влияние на Ушинского. Под влиянием идей, полученных от прочтения этих книг, он написал одну из лучших своих статей по педагогике «О пользе педагогической литературы». После огромного общественного успеха, который имела его статья, Ушинский становится постоянным автором «Журнала для Воспитания». В этом журнале он последователь-

но публиковал статьи, в которых развивал свои взгляды на систему воспитания и образования в России. В период службы в Гатчинском институте им были написаны также «Три элемента школы», «О народности в общественном воспитании» и другие работы.

В январе 1859 года К.Д. Ушинского пригласили на должность инспектора классов Смольного института благородных девиц, где ему удалось провести значительные прогрессивные изменения. Так, исходя из своего главного принципа – демократизации народного образования и народности воспитания, ему удалось убрать существовавшее до этого разделение контингента учащихся на «благородных» и «неблагородных», то есть деления по принципу происхождения девушек из дворянского и из мещанского сословий. Он ввел практику преподавания учебных предметов на русском языке, стал знакомить учащихся с классиками русской литературы и открыл специальный педагогический класс, в котором осуществлялась подготовка учениц для работы в качестве воспитательниц. К.Д. Ушинский ввел в практику педагогической работы совещания и конференции педагогов, а воспитанницы получили право проводить каникулы и праздники у родителей.

Его сослуживец и коллега по Смольному институту Л.Н. Модзалевский так написал в своих воспоминаниях об этом периоде жизни К.Д. Ушинского: «У Ушинского бывали так называемые четверги, в которые собирались к нему все друзья и сослуживцы, кто только пожелает. Тогда он жил в особом небольшом, но уютном сереньком флигеле, составлявшем частицу как бы целого городка, носившего общее название «Смольного монастыря». В карты не играли, но больше толковали о новостях тогдашней литературы, о современных государственных реформах, бывших тогда в полном ходу и одушевляющим образом действующих в особенности на Ушинского, да и на всех нас; но больше всего говорили и спорили, конечно, о смолянских делах, о программах, методах, о разных педагогических взглядах и системах, которыми в начале 60-х годов интересовалось вообще все образованное русское общество».

Одновременно с преподавательской работой Ушинский стал редактировать «Журнал Министерства Народного Просвещения». Благодаря ему это официальное издание Министерства просвещения превратилось в прекрасный педагогический журнал, весьма отзывчиво относившийся к новым течениям в области народного образования. Однако из-за столкновения с вновь назначенным министром народного просвещения реакционером графом Е.В. Путятиным он был вынужден уйти из «Журнала Министерства народного просвещения», который редактировал в течение полутора лет. Однако у К.Д. Ушинского произошел конфликт с начальницей Смольного института М. Леонтьевой, которая обвинила Ушинского в вольнодумстве, непочтительном отношении

к начальству, атеизме и других проступках подобного рода. Однако просто уволить ставшего очень популярным педагога было нельзя. **И под благовидным предлогом Ушинского в марте 1862 года удалили из института – он был направлен на пять лет за границу для лечения и изучения школьного дела.**

За время своей заграничной командировки Ушинский посетил Швейцарию, Германию, Францию, Бельгию и Италию. В этих странах он посещал и изучал учебные заведения – женские школы, детские сады, приюты и школы, особенно в Германии и Швейцарии, которые в то время считались самыми передовыми в части новаций в педагогике.

В 1861 году он написал и издал книгу «Родное слово», а позже за границей в 1864 году он написал и издал учебную книгу «Детский Мир». В этих книгах для первоначального классного чтения нашли свое отражение основные педагогические идеи Ушинского – требование демократизации народного образования и идея народности воспитания. Фактически это были первые массовые и общедоступные российские учебники для начального обучения детей. Более того, Ушинский написал и издал особое руководство для родителей и учителей к своему «Родному Слову» – «Руководство к преподаванию по «Родному слову» для учителей и родителей». Это руководство оказало огромное, широчайшее влияние на русскую народную школу. Свою актуальность как пособие по методике по преподаванию родного языка это пособие не потеряло и по сей день. Достаточно сказать, что до 1917 года оно выдержало 146 изданий.

Работая в Петербурге и Гатчине и находясь за границей, К.Д. Ушинский приезжал отдыхать со своей семьей на хутор Богданку Глуховского уезда Черниговской губернии (ныне село Богданка Шосткинского района Сумской области Украины), где у него был дом. В семье Ушинских было пятеро детей: Павел (1852 г.), Владимир (1861 г.), Константин (1859 г.), Вера (1855 г.) и Надежда (1856 г.). Много позднее после трагической гибели его старшего сына на охоте, он переехал на жительство в Киев.

В середине 60-х годов К.Д. Ушинский с семьей вернулся в Россию. Свой последний главный научный труд, названный К.Д. Ушинским «Человек как предмет воспитания, опыт педагогической антропологии», он начал печатать в 1867 году. Первый том «Человек как предмет воспитания» вышел в 1868 году, а через некоторое время вышел второй том. К сожалению, этот его научный труд (третий том) остался незавершенным. В этой своей работе К.Д. Ушинский подходит к рассмотрению психических явлений на фундаментальной философской основе, не будучи приверженцем какой-либо определенной философской системы, он вполне самостоятельно дал в своем труде ценный психологический анализ цепочки: ощущение прекрасного – чувство прекрасного – осознание. Так же в этом труде К.Д. Ушинский дал обоснование

предмета педагогики её основных закономерностей и принципов. Основа его педагогической системы нашедшее отражение в его многочисленных трудах – требование демократизации народного образования и идея народности воспитания. В последние годы жизни К.Д. Ушинский выступал как видный общественный деятель. Он писал статьи о воскресных школах, о школах для детей ремесленников, а также принял участие в учительском съезде в Крыму. Расставаясь с участниками съезда, К.Д. Ушинский сказал слова, ставшие пророческими: «Скоро настанет время, когда весь русский народ осознает необходимость грамоты. Тогда будет издан закон об обязательном обучении для каждого русского человека. Предлагаю провозгласить здравицу за скорейшее осуществление мечты всей моей жизни: за обязательное обучение в России».

Летом 1870 года К.Д. Ушинский лечился кумысом в Альме возле Бахчисарая возвращаясь из Крыма, собирался заехать к своему коллеге и другу Н.А Корфу в село Времевку Александровского уезда на Екатеринославщине, но из-за болезни и большой отдаленности села от железнодорожной станции Благодатной не смог это сделать. Прибыв на хутор Богданку, он узнал о трагической смерти своего старшего сына Павла. Найдя в себе силы перебороть постигшее его горе, он перевез свою семью в Киев, купив домик по ул. Тарасовской, а сам с сыновьями Константином и Владимиром поехал лечиться в Крым. Но в дороге простудился, заболел и остановился в городе Одессе, где и умер **22 декабря 1870 года (3 января 1871 года). Похоронили К.Д. Ушинского в Киеве на территории Выдубецкого монастыря.**

Ушинский является великим русским педагогом, основоположником народной школы в России, создателем глубокой, стройной педагогической системы, автором замечательных учебных книг, по которым в течение более полувека обучались десятки миллионов человек в России. Он – «учитель русских учителей» – разработал систему подготовки народных учителей в учительской семинарии, лучшие народные учителя в своей педагогической работе руководствовались сочинениями Ушинского.

Как поэтический гений Пушкина вызвал к жизни целую группу поэтов пушкинской школы, так и педагогический гений Ушинского способствовал появлению плеяды замечательных педагогов 60-70-х годов, последователей Ушинского, – Н.Ф. Бунакова, Н.А. Корфа, В.И. Водовозова, Д.Д. Семенова, Л.Н. Модзалевского и других.

Большое влияние Ушинский оказал на передовых педагогов других народов России (Грузии, Армении, Казахстана), на педагогику Болгарии, Чехии и других славянских народов.

Как указывал в 1895 году Модзалевский на заседании, посвященном 25-летию со дня смерти Ушинского. ***«Ушинский – это наш действительно на-***

родный педагог, точно так же, как Ломоносов – наш народный ученый, Суворов – наш народный полководец, Пушкин – наш народный поэт, Глинка – наш народный композитор».

Своею деятельностью К.Д. Ушинский значительно повысил образовательный уровень народной начальной школы, чему особенно способствовали его учебные книги «Детский мир» и «Родное слово». Он расширил и обогатил новыми приемами методику наглядного обучения, которую раньше создали Коменский, Песталоцци, Дистервег, внес много нового относительно применения принципа сознательности, основательности и прочности, а также развития активности и деятельности детей.

Особенно ценной является идея Ушинского о связи школы, с жизнью. Он говорил, что жизнь легко опрокидывает школу, которая становится поперек ее пути, что «истинное воспитание должно быть посредником между школой, с одной стороны, и жизнью и наукой – с другой». Учитель всегда должен помнить, что он выводит новые поколения из школы в жизнь, от деятельности его воспитанников зависит направление и содержание общественного развития.

Народы России с глубоким уважением относятся к памяти великого русского педагога. Ряду учебных заведений присвоено имя Ушинского, учреждена медаль имени Ушинского, которой награждаются за выдающиеся педагогические труды и заслуги в области воспитания и образования лучшие учителя, ученые и общественные деятели.

Именем К. Д. Ушинского названы:

- Научная педагогическая библиотека Российской академии образования в Москве

Учебные заведения:

- Южноукраинский государственный педагогический университет в Одессе

- Ярославский государственный педагогический университет

- Гимназия № 1 в Симферополе

- Педагогический колледж в Гатчине

- Педагогический колледж № 1 в Москве

- Педагогический колледж в Нижнем Новгороде

- Гимназия в Гатчине

- Школа №6 в городе Тула

Улицы:

- Улица, на которой он жил (бывшая Стрелецкая) в Ярославле

- Улица Ушинского (Липецк)

- Улица в Санкт-Петербурге

- Улица в Киеве

- Улица в Симферополе

Награды:

- Премия К.Д. Ушинского (существовала в СССР)
- Медаль К.Д. Ушинского (утверждена приказом Министерства образования и науки РФ «О знаках отличия в сфере образования и науки» (№ 84 от 6 октября 2004 г.)

Памятники Ушинскому:

- Санкт-Петербург, Набережная Мойки, 48 – Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. Памятник работы скульптора В.В. Лишева был открыт во дворе института 30 июня 1961 года.

3. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА К.Д. УШИНСКОГО

Основа его педагогической системы – идея народности воспитания. Педагогические идеи Ушинского отражены в книгах для первоначального классного чтения «Детский мир» (1861) и «Родное слово» (1864), фундаментальном труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» (2 т. 1868-1869) и других педагогических работах.

3.1. Идея народности в воспитании

Мысль о народности воспитания являлась главнейшей в педагогической теории К.Д. Ушинского. Система воспитания детей в каждой стране, подчеркивал он, связана с условиями исторического развития народа, с его нуждами и потребностями. **«Есть одна только общая для всех прирожденная склонность, на которую всегда может рассчитывать воспитание: это то, что мы называем народностью. Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа», – писал Ушинский.**

Ушинский доказал, что система воспитания, построенная соответственно интересам народа, развивает и укрепляет в детях ценнейшие психологические черты и моральные качества – патриотизм и национальную гордость, любовь к труду. Он требовал, чтобы дети, начиная с раннего возраста, усваивали элементы народной культуры, овладевали родным языком, знакомились с произведениями устного народного творчества.

Под народностью Ушинский понимал своеобразие каждого народа, обусловленное его историческим развитием, географическими, природными условиями.

В статье «О народности в общественном воспитании» он начинает анализ воспитания в духе народности с характеристики тех черт, которые исторически сложились у различных народов. Ушинский дает меткую характеристику и глубокий анализ французского, английского, немецкого и американского воспитания. Особенно подробно он останавливается на критике реакционной немецкой педагогики того времени, на которую ориентировался царизм. Ушинский доказывал крайнюю нецелесообразность механического перенесения этой педагогики на русскую почву.

К.Д. Ушинский подчеркивает, что одной из характерных черт воспитания русского народа является развитие у детей патриотизма, глубокой любви к родине. Поскольку лучшим выражением народности, по его мнению, является родной язык, в основу обучения русских детей должен быть положен русский язык; обучение в начальной школе должно также хорошо ознакомить детей с русской историей, географией России, с ее природой.

К.Д. Ушинский указывал, что русский народ проявлял и проявляет большую любовь к родине, доказав ее подвигами в борьбе с польскими интервентами в начале XVII века, в Отечественной войне 1812 года, в Крымской кампании 1853-1855 годов. Однако это чувство, «пробуждающееся по временам с истинно львиной силой», по мнению Ушинского, вспыхивает у некоторых людей лишь порывами, когда родине угрожает опасность. Основанное на народности воспитание должно приучить проявлять этот патриотизм всегда, повседневно, при исполнении гражданами своего общественного долга.

Это воспитание призвано развить у детей чувство национальной гордости, чуждое, однако, шовинизму и сочетающееся с уважением к другим народам. Оно должно воспитать у детей чувство долга перед родиной, приучить их всегда ставить общие интересы выше личных.

Ушинскому была свойственна неиссякаемая вера в творческие силы русского народа. Благодаря своей мощи, отваге, стойкости русский народ выдержал монголо-татарское иго и избавил от нашествия монголо-татарских полчищ Западную Европу; неоднократно спасал он независимость родины от посягательств иноземных врагов. Ушинский писал, что сам народ создал «тот глубокий язык, глубины которого мы и до сих пор еще не могли измерить; что этот простой народ создал ту поэзию, которая спасла нас от забавного детского лепета, на котором мы подражали иностранцам; что именно из народных источников мы обновили всю нашу литературу и сделали ее достойной этого имени».

Русская музыка и живопись, русская философия также черпали многое из народного творчества: из «серой, невежественной, грубой массы льется чудная народная песнь, из которой почерпают свое вдохновение и поэт, и художник,

и музыкант; слышится меткое, глубокое слово, в которое... вдумываются филолог и философ и приходят в изумление от глубины и истины этого слова...».

Будучи глубоко уверен в могучих творческих силах русского народа, Ушинский выдвинул требование, чтобы дело народного образования было предоставлено самому народу, и оно было освобождено от тягостной и тормозящей его развитие правительственной опеки. «Кто хорошо знаком с историей России, тот ни на минуту не задумается вручить народное образование самому же народу», – писал Ушинский.

В тесной связи с народностью как основой воспитания в педагогической системе Ушинского стоит вопрос о воспитательном и образовательном значении родного языка.

В замечательной статье «Родное слово» Ушинский писал: «Язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. **В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы – весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко о любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне и родных напевах, в устах народных поэтов.** Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа... Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык, – народа нет более!» Родной язык, как указывал Ушинский, – это не только лучший выразитель духовных свойств народа, но и лучший народный наставник, учивший народ еще тогда, когда не было ни книг, ни школ. Усваивая родной язык, ребенок воспринимает не одни только звуки, их сочетания и видоизменения, но и бесконечное множество понятий, воззрений, чувств, художественных образов.

3.2. Язык есть исповедь народа...

Константин Дмитриевич Ушинский был человеком высокой образованности, он свободно владел английским, французским, немецким языками, в оригиналах читал Декарта, Руссо, Дидро, Гольбаха, Бэкона, Канта, Гегеля и других мыслителей. И хорошо владел родным языком, его высоким нравствен-

ным слогом. Лекции ученого увлекали, завораживали студентов.

Великий русский педагог всю жизнь посвятил делу образования народа, воспитанию детей. **К.Д. Ушинский в начале своей деятельности в дневнике писал: «Сделать как можно более пользы моему отечеству – вот единственная цель моей жизни, и к ней то я должен направлять все свои способности»**

Особое место в педагогической системе К.Д. Ушинского занимает родной язык. Русский язык он рассматривал как составную часть жизни народа. Без языка невозможна человеческая жизнь, существование человеческого общежития, без него не могла бы развиваться ни одна отрасль научных знаний. Родной язык он рассматривал как ни с чем не сравнимую духовную ценность. В подготовительных материалах к «Педагогической антропологии» он раскрывает вопрос происхождения языка, связь языка и мышления, изучения иностранных языков, их взаимоотношениям с русским языком и особую роль придавал русскому языку в формировании личности человека.

Всё то, что педагог-демократ, патриот своей Родины, оставил в своём учении о языке, представленном в статьях, записях, подготовительных материалах, книгах для первоначального обучения, даёт основание утверждать, что он был учёным с передовыми взглядами. Он высказал свой взгляд на происхождение и роль языка в жизни общества, на связь языка и мышления, на сочетание слова и наглядности.

Необходимо заметить, что высшее общество – дворянство – в то время по существу не знало русского языка, разговорным языком был французский язык. Детей учили французскому, английскому языку, русский язык не изучался.

К.Д. Ушинского как истинного русского человека такая ситуация в образовании не устраивала. К.Д. Ушинский в своих работах утверждал, что умственное, нравственное развитие ребёнка начинается с овладения родным языком. Ушинский называет родной язык «удивительным педагогом», который учит очень многому и учит легко, основательно. Язык будит мысль ребёнка, формирует множество понятий, взглядов, развивает мышление.

У К.Д. Ушинского в подходе к языку и его происхождению чувствуется строго последовательный историзм. Первые слова, которые начал произносить человек, были междометиями, а может быть корнями слов, из которых могли образовываться глаголы, затем прилагательные и т.д.

У К.Д. Ушинского мы находим прямое указание на роль труда в происхождении языка. Язык возникает из потребностей человека. Изучая родной язык, дитя как бы вводится в дух народа, тот единственный живой ключ, из которого бьёт всякая сила и всякая поэзия.

К.Д. Ушинский создал учебную книгу в двух частях «Детский мир и хрестоматия» (1861), предназначенную для классного чтения на уроках род-

ного языка в первых классах Смольного института. В книге содержался значительный для тех лет естествоведческий, исторический и литературно-художественный материал. На этом материале автор стремился помочь развитию речи у учащихся начальных классов. Первая часть «Детского мира» состояла из трёх отделов. Первый отдел – первое знакомство с детским миром, где помещены рассказы о человеке, о временах года. Вторым отделом «Из природы» был самым большим, содержал значительный природоведческий материал. В третьем разделе «Первое знакомство с Родиной» излагалась в виде исторических картинок родная история. В методических статьях к «Детскому миру» ставились актуальные проблемы развития детей, образования понятий, этического и эстетического воспитания.

К.Д. Ушинский составил еще одну замечательную книгу для классного чтения «**Родное слово**» (1864-1870). Обе учебные книги являются образцом богатства содержания, совершенствования языка ребенка. Они пользовались заслуженным успехом и широко распространялись в дореволюционной России: первая часть «Родного слова» выдержала 150 изданий. На этих книгах воспитывались многие поколения русских школьников младших классов. Простота, образность, эмоциональность изложения, прекрасный язык, сочетание образовательного и воспитательного элементов – таковы достоинства «Детского мира» и «Родного слова» в педагогическом отношении.

К.Д. Ушинский неоднократно подчёркивал в свои трудах «О народности в общественном воспитании», «Педагогическая антропология», что язык – слово – речь есть источники воспитания. Ушинский выделял основные направления в воспитании личности: сознание и мышление; чувственное познание; язык – слово – речь; поведение разнообразная деятельность; труд – умственный, физический, свободный. В становлении и развитии этих понятий заложена теория развития личности ребёнка как важного раздела научной педагогики.

К.Д. Ушинский ввёл в научный оборот термин «народная педагогика» и высоко ценил её традиции. Народная педагогика славянских народов – составная часть общечеловеческой культуры. Константин Дмитриевич писал, что школа должна стать хранительницей ценностей народа. В школьном обучении на родном русском языке необходимо использовать весь спектр народного творчества: пословицы, поговорки, поучения, задачи на сообразительность, песни, сказки и, самое главное, – уметь видеть и слушать природу.

Осознание своей национальной принадлежности принято называть национальным самосознанием. На первое место в возрождении русского национального самосознания Ушинский ставил язык русского народа. Язык не только средство передачи знаний и мыслей, но и средство сохранения этноса.

Статья «О необходимости сделать русские школы русскими» вся прони-

зана глубоким пониманием задач национального образования. Ушинский выделяет понятие «обучение» как могущественный орган воспитания. Обучение, находясь в единстве с воспитанием, подчиняется тем же условиям общественного бытия (окружающая среда, свободная творческая деятельность ребенка и т.п.). Но обучение имеет свою специфику, заключённую в содержании обучения. В процессе обучения ребёнок осуществляет индивидуальный процесс познания, усваивает исторический опыт культуры человечества – в этом связь обучения и воспитания. Всё это осуществляется в соответствии с возрастом ребёнка и развитием его способностей, со способностью создавать что-то новое для себя. Отсюда Константин Дмитриевич определяет цель обучения и воспитания – развитие сознания ребёнка, обогащение его ума историческим опытом человечества, развитие и совершенствование способностей ребёнка.

Цель обучения и воспитания достигает своего результата, если обучение и воспитание направлено на развитие самостоятельной мыслительной деятельности и пробуждает интерес к познанию. **Учение – это творческая самостоятельная работа ученика при обязательном руководстве учителя.**

Большое значение Ушинский придавал изменению социальной и бытовой среды, окружающей ребёнка: «Именно эта среда внушает ребёнку его первые идеи, от которых зависит его отношение к учению». К.Д. Ушинский дал новое подлинно научное понимание воспитания как предмета педагогической науки. Не ребёнка воспитывают, а дети воспитываются в процессе своих жизненных отношений. Согласно взглядам педагога, по своему содержанию воспитание складывается из двух сторон:

1. Внешней стороны, когда новое поколение овладевает производственным и жизненным опытом, накопленным предшествующими поколениями.

2. Внутренней стороны – это развитие естественных сил, способностей детей в соответствии со становлением личности ребёнка.

В обучении и воспитании К.Д. Ушинский ставил на первое место изучение родного языка, которое, по его убеждению, составляет не только главный предмет образования, но и предмет центральный, вокруг которого группируются все остальные. Он подчёркивал значимость родного языка в духовном становлении человека. В своей блистательной статье «Родное слово», опубликованной в 1861 году, он так описал роль родного языка: «Язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина, вся история духовной жизни народа. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившее и будущее поколение народа в одно великое, историческое целое. Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ».

Константин Дмитриевич считал родной язык «величайшим народным

наставником», который делает главное в человеке – развивает его дух. Усваивая родной язык, ребёнок усваивает слова, понятия, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию народного сознания. Ушинский ставил три основные цели изучения отечественного языка: развитие у ребёнка «дара слова», овладение сокровищами русского языка, усвоение логики этого языка (т.е. грамматических его законов в их логической системе). Так Ушинский развивал гуманистическую сущность педагогики. Главными в педагогике является сам ребёнок и раскрытие его внутренних глубинных сил.

К.Д. Ушинский совершенно правильно утверждал, что педагогу недостаточно усвоить принципы и конкретные правила воспитательной работы, педагогу-учителю необходимо знать законы человеческой природы, и он много пишет о формировании духа – духовности, положительных чувств, физического здоровья, подчёркивая серьёзность и глубину педагогики.

К.Д. Ушинский утверждал, что педагогика есть наука и искусство. В основу педагогической системы Ушинский положил идею народности. Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту формирующую силу, которой нет в самых лучших научных системах.

Под народностью Ушинский понимал своеобразие каждого народа, обусловленное его историческим развитием, географическими, природными условиями. Лучшим выражением народности, по мнению Константина Дмитриевича, является родной язык, и в основу обучения русских детей должен быть положен русский язык, обучение в начальной школе должно хорошо знакомить детей с русской историей, географией России, с её природой. Это воспитание призвано развивать у детей чувство любви к родине и с уважением относиться к другим народам.

Удивительно, насколько актуальны сегодня идеи К.Д. Ушинского для современной отечественной школы, особенно для понимания особой роли и значения русского языка

3.3. К.Д. Ушинский о нравственном воспитании

Целью воспитания, считал Ушинский, должно быть воспитание нравственного человека, полезного члена общества. Нравственное воспитание занимает главное место в педагогике Ушинского, оно, по его мнению, должно быть неразрывно связано с умственным и трудовым воспитанием детей.

Важнейшим средством нравственного воспитания Ушинский считал обучение. Он утверждал необходимость теснейших связей между воспитанием и обучением, доказывал важнейшее значение воспитывающего обучения. Все учебные предметы обладают, утверждал он, богатейшими воспитательными возможностями, и все, кто причастен к делу воспитания,

должны помнить об этом при всех своих действиях, во всех непосредственных отношениях с учащимися, воспитанниками. Среди учебных предметов народной школы он особенно ценил в этом отношении родной язык и весьма убедительно показал, что, овладевая родным языком, дети не только получают знания, но и приобщаются к национальному сознанию народа, к его духовной жизни, моральным понятиям и представлениям.

Одним из средств нравственного воспитания Ушинский считал убеждение, при этом он предостерегал от назойливых наставлений и уговариваний, которые часто не доходят до сознания детей.

К.Д. Ушинский придавал важное значение формированию у детей привычек. Он установил важную закономерность в деле воспитания привычек: чем моложе человек, тем скорее в нем укоренятся привычка и тем скорее искореняется, и чем старше привычки, тем труднее их искоренить. Ушинский выдвинул ряд ценных советов по воспитанию полезных привычек у детей. Он говорил, что привычки укореняются повторением какого-нибудь действия; что нельзя торопиться при укоренении привычек, ибо закреплять сразу много привычек – значит заглушать один навык другим; что следует, как можно чаще использовать приобретенные ценные привычки. Ушинский доказывал, что при формировании привычек ничто так сильно не действует, как пример взрослых, и что при этом вредна частая перемена воспитателей.

Чтобы искоренить какую-нибудь привычку, надо употреблять одновременно два средства:

1) по возможности удалять всякий повод к действиям, происходящим от вредной привычки;

2) в то же время направлять деятельность детей в другую сторону.

При искоренении дурной привычки надо вникнуть, отчего она появилась, и действовать против причины, а не против ее последствий.

Эти советы и указания Ушинского по воспитанию привычек не потеряли значения и для советских педагогов.

Необходимым условием нравственного воспитания является, указывал Ушинский, формирование у детей правильных представлений о роли и значении труда в истории общества, в развитии человека. Он высказал замечательные мысли о роли труда в жизни человека в своей статье «Труд в его психическом и воспитательном значении»: «Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его не для счастья, а приготавливать к труду жизни...»; «Воспитание должно развивать в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни».

Ушинский решительно осуждал систему дворянского воспитания с его пренебрежением к труду и людям труда, воспитания, формирующего привыч-

ку к праздности, пустой болтовне, ничегонеделанию, В этой связи он выступил против тех педагогов, которые считали задачей педагогики всячески облегчать процесс учения не идущими к делу прикрасами, создавали представление о его легкости и занимательности. Такую практику школьной работы он язвительно назвал «потешающей педагогией», обуславливающей «такое препровождение времени, когда человек остается без работы в руках, без мысли в голове». При такой организации обучения ученики постепенно приобретают «гнусную привычку оставаться целые часы, ничего не делая и ничего не думая».

Стремлениям педагогов всячески облегчить процесс обучения он противопоставил твердое убеждение в том, что учение есть труд, и труд серьезный. «В школе должна царствовать серьезность, допускающая шутку, но не превращающая всего дела в шутку... Ученье есть труд и должно оставаться трудом, полным мысли...» Ушинский хотел, чтобы все учение и жизнь учеников было организовано разумно: «Преподавание всякого предмета должно непременно идти таким путем, чтобы на долю воспитанника оставалось ровно столько труда, сколько могут одолеть его молодые силы». Не нужно надирать сил ученика в умственной работе, необходимо не давать ему засыпать, необходимо постепенно приучать его к умственной работе. «Организм человека должен приучаться к умственному труду понемногу, осторожно, но, действуя, таким образом, можно дать ему привычку легко и без всякого вреда для здоровья выносить продолжительный умственный труд...» Учитель «приучая воспитанника к умственному труду, приучает, и преодолевать тяжесть такого труда и испытывать те наслаждения, которые им доставляются». «Человек, привыкший трудиться умственно, скучает без такого труда, ищет его и, конечно, находит на каждом шагу».

Исходя из такого понимания воспитывающего характера обучения, Ушинский возвеличил учителя, высоко оценил влияние его личности на учащихся. Это влияние он поставил на первое место среди других средств и утверждал, что оно не может быть заменено никакими другими дидактическими и методическими средствами.

К.Д. Ушинский придавал важное значение смене умственного труда физическим, который является не только приятным, но и полезным отдыхом после умственного труда. Он считал полезным введение физического труда в свободное от учения время, особенно в закрытых учебных заведениях, где воспитанники могут заниматься обработкой сада, огорода, столярным и токарным ремеслом, переплетением книг, самообслуживанием и т.п. С этой точки зрения Ушинский ценил также игры детей. «...Но, – писал он, – чтобы игра была настоящей игрой, для этого должно, чтобы ребенок никогда ей не пресыщался и привык, мало-помалу, без труда и принуждения покидать ее для работы».

Педагогические высказывания К.Д. Ушинского о нравственно-воспитательной роли труда, о соединении физического и умственного труда, о правильной организации учения и отдыха являются ценными и в наше время.

3.4. К.Д. Ушинский о семейном воспитании

Для большинства населения страны Ушинский наиболее естественной средой воспитания и обучения дошкольников все же считал семью. В ней дети получают первые впечатления, приобретают элементарные знания, навыки и привычки, развивают свои задатки. Огромную роль в развитии и воспитании личности ребенка играют родители и воспитатели, пример их жизни и поведения. **«Одна из первейших обязанностей всякого гражданина и отца семейства, – писал Ушинский, – приготовить из своих детей полезных для общества граждан; одно из священных прав человека, рождающегося в мире, – право на правильное и доброе воспитание».**

Чтобы выполнить эту ответственную обязанность и гражданский долг перед обществом, родители должны проникнуться стремлением сочетать свое частное благополучие с общественной пользой. Они должны иметь педагогические знания, для чего изучать педагогическую литературу; сознательно подходить к воспитательному делу, к выбору воспитателей и учителей, определению будущих путей жизни для своих детей.

Исключительно важную роль в семейном воспитании и обучении дошкольного и раннего школьного возраста Ушинский отводил матери. Мать ближе стоит к детям, проявляет непрестанные заботы о них со дня рождения, лучше понимает их индивидуальные особенности; если она не занята на работе вне дома, то имеет больше возможностей в процессе повседневной жизни влиять на детей в желательном направлении.

Воспитательной деятельности матери Ушинский придавал общественное значение. Являясь воспитательницей своих детей, она тем самым становится воспитательницей народа. Из этого, говорил Ушинский, «вытекает уже сама собой необходимость полного всестороннего образования для женщины уже, так сказать, не для одного семейного обихода, но, имея в виду высокую цель – провести в – жизнь народа результаты науки, искусства и поэзии».

В условиях царской России, когда элементарных школ было мало, Ушинский хотел видеть в лице матери не только воспитательницу, но и учительницу своих детей. Учебное пособие «Родное слово» (год I) и «Руководство к преподаванию по «Родному слову» он считал возможным использовать в семейном воспитании и обучении детей до 8-10-летнего возраста.

3.5. Философские и естественнонаучные основы педагогической системы К. Д. Ушинского

В своем философском развитии Ушинский шел от идеализма к материализму, однако путь этот остался незавершенным. Хорошо изучив различные философские системы, критически используя положительные элементы этих систем, он стремился выработать свое, самостоятельное, оригинальное мировоззрение.

В своих воззрениях на природу Ушинский следовал эволюционному учению Дарвина. В теории познания и в психологии у него много материалистических элементов. В противоположность метафизическим умозрительным абстрактным системам психологии, как например Гербарта, Ушинский пытался построить психологию на основах физиологии. Но в вопросах социологических он стоял на идеалистических позициях, как и большинство просветителей, признавая двигательной силой общественного развития разум, идеи.

Еще в самой ранней своей работе, в речи «О камеральном образовании», Ушинский, стоя на позициях материалистического сенсуализма, писал: «Единственным критериумом для вещи есть сама вещь, а не наше понятие о ней».

Во второй половине 60-х годов, когда с наступлением реакции всякое положительное упоминание о материализме, малейшее выражение симпатий к нему встречалось правительственными кругами враждебно и преследовалось, Ушинский мужественно заявлял, что материалистическая философия «много положительного внесла и продолжает вносить в науку и мышление; искусство же воспитания в особенности чрезвычайно много обязано именно материалистическому направлению изысканий, преобладающему в последнее время».

К.Д. Ушинский по целому ряду вопросов критикует Канта, Гегеля, отмечает абстрактность и надуманность психологической теории Гербарта. Он, однако, не нашел удовлетворявшей его материалистической философии и считал, что материализм «ожидает еще своего Гегеля». К довольно распространенному в то время вульгарному материализму Ушинский относился резко отрицательно. Он возражал и тем философам (в частности Спенсеру), которые считали, что в результате приспособления человека к окружающей среде и развития человеческого организма у человека в будущем вырастут крылья. Он писал: «Сила человека – его паровые машины, быстрота его – паровозы и пароходы, а крылья уже растут у человека и развернутся тогда, когда он выучится управлять произвольно движением аэростатов». Это говорилось более чем за полвека до появления первых аэропланов.

В своей статье «Труд в его психическом и воспитательном значении» Ушинский поднялся даже до констатации общественных противоречий: «потребность больших и больших капиталов для всякого самостоятельного производства увеличивается; число самостоятельных производств уменьшает-

ся; одна громадная фабрика поглощает тысячи маленьких и превращает самостоятельных хозяев в поденщиков; один дуреет от жира; другой дичает от нищеты; одного губит богатство, другого крайняя бедность превращает в машину...» Но, нарисовав в таких сильных выражениях ужасающую картину общественных противоречий, правильно подметив факты концентрации капитала и крушения мелких производств, не выдерживающих конкуренции с крупными, Ушинский вследствие классово-ограниченности своего мировоззрения не сумел вскрыть причину этих противоречий, не поднялся до понимания классового строения общества и классовой борьбы и не мог, следовательно, увидеть действительных путей уничтожения этих общественных противоречий.

В той же статье Ушинский бичует праздность и высоко ценит труд, указывает, что именно труд создает ценности, но в оценке труда в развитии общества и человека он все же придерживается идеалистической точки зрения.

Ушинский горячо приветствовал падение крепостного права, мечтал о свободном развитии России, но считал, что это развитие должно совершаться не революционным, а мирным путем. По политическим взглядам Ушинский был буржуазным демократом. Он признавал право народа управлять государством.

В начале деятельности Ушинского религия в его мировоззрении занимала значительно большее место, нежели в последние годы его жизни. Сначала он считал христианскую (в частности, православную) религию основой морали и воспитания, рекомендовал ставить священников заведующими и учителями народной школы, считал школу «преддверием церкви».

В конце жизни Ушинский, оставаясь по-прежнему верующим человеком, уже четко разграничивал науку и религию. Он писал в это время: «всякая фактическая наука – а другой науки мы не знаем – стоит вне всякой религии, ибо опирается на факты, а не на верования...»

В своих поздних работах, например в упомянутых материалах к третьему тому сочинения «Человек как предмет воспитания», Ушинский главной чертой человека считает любовь к людям и даже утверждает, что атеист, гуманно относящийся к людям, более христианин, чем верующий, который недостаточно проникнут чувством любви к ближнему.

В своей предсмертной статье (1870) «Общий взгляд на возникновение наших народных школ» Ушинский, опровергая свои ранние взгляды о том, что лучшими учителями народных школ являются священники, довольно смело для того времени писал: «Идея церковной школы не пустила у нас корней ни в народе, ни в духовенстве... в стремлении учреждать школы при церквях... было что-то напускное и не дало положительных результатов... сами крестьяне высказываются, и иногда довольно решительно, против назначения лиц приходского духовенства учителями в крестьянские школы».

3.6. К.Д. Ушинский о педагогической науке и искусстве воспитания

Ушинский подошел к разработке теории педагогики как широко образованный мыслитель, вооруженный глубокими научными знаниями о человеке как предмете воспитания. Ушинский указывал, что теория педагогики должна быть основана на использовании законов анатомии, физиологии, психологии философии, истории и других наук. Она должна открывать законы воспитания, а не ограничиваться педагогическими рецептами. Ему хорошо была знакома педагогика его времени.

В статье «О пользе педагогической литературы» Ушинский писал: «Ни медицина, ни педагогика не могут быть названы науками в строгом смысле этого слова». Однако ему же принадлежат и такие слова: «Педагогика – не наука, а искусство».

В конце XIX в. нередко можно было услышать суждения, будто ни кто другой, как сам Ушинский отказывал Педагогике в праве называться наукой. Однако сам Ушинский рассматривал этот вопрос достаточно обстоятельно.

К вопросам о соотношении науки и искусства воспитания как практической учебно-воспитательной деятельности К.Д. Ушинский обращался с первых шагов на научно-педагогическом поприще, в самых первых своих педагогических трудах, к которым относятся: «Лекции о камеральном образовании» (1846-1848), «О пользе педагогической литературы» (1857), «О народности в общественном воспитании» (1857), а также во всех тех работах, где им исследовались различные факторы и средства, которые могут быть использованы в целенаправленной учебно-воспитательной деятельности.

В своих работах Ушинский говорил, что предмет о всех наук и каждой из них в отдельности не остается постоянным, но является исторически изменчивым.

Он не соглашался с теми немецкими философами и психологами, которые все, что только можно представить в систематическом изложении, называли наукой, в результате чего исчезали границы между наукой и практической деятельностью, а правила именовались законами. Ушинский считал, что главным признаком науки должен служить ее предмет исследований, завершающихся открытием истины, вытекающей из самой сущности вещей. Ушинский так же говорил: «возле всякой науки может образоваться искусство, которое будет показывать, каким образом человек, может извлечь выгоды в жизни, пользуясь положениями науки; но эти правила пользования наукой не составляют еще науки...»

Для доказательства своей точки зрения Ушинский приводил аргументы, согласно которым искусство практического приложения выводов науки может состоять из бесконечного множества бесконечно изменяющихся правил, определяемых произвольными желаниями человека. Выводы науки имеют вполне объективный характер, тогда как в искусстве их практического применения

преобладает субъективное начало. В отличие от правил, которые могут изменяться в зависимости от воли и желания человека, «истины науки не изменяются произвольно, а только развиваются; и это развитие состоит в том, что человек от причин более видимых восходит к причинам более глубоким, или, что все равно, приближается более и более к сущности предмета».

В отличие от своих предшественников Ушинский вдруг утверждает, что педагогика не наука, а искусство, что неправильно было считать педагогику и медицину искусством лишь на том основании, что они изучают практическую деятельность и стремятся творить то, чего нет. Неправильно считать, что любая теория, любая наука, приложенная к практике, перестает быть наукой и становится искусством.

Н.К. Гончаров считал, что Ушинский не проявлял последовательности в решении вопроса о педагогике как науке или искусстве.

Разграничение педагогики как науки, с одной стороны, и педагогики как искусства воспитания – с другой, имело место в тех случаях, когда Ушинский раскрывал отличие педагогики от тех наук, которые не преследовали других целей, кроме изучения сущности предметов и явлений, изучения закономерных, объективных, от воли человека независящих связей между предметами явлениями. Смысл противопоставления искусства воспитания таким наукам при этом заключался в указании на практические задачи и цели педагогики – совершенствование воспитательной деятельности на научной основе.

Официальной педагогике, которая основывалась на божественном откровении, он противопоставлял свое понимание связи искусства воспитания с действительной, а не мифологической наукой о человеке, которая одна только и должна служить основанием практической педагогической деятельности.

Для педагогики представляют интерес науки, «из которых почерпает знания средств, необходимых ей для достижения ее цели... все те науки, в которых изучается телесная или душевная природа человека, и изучается притом не в мечтательных, но в действительных явлениях».

К данной науке Ушинский имел свой индивидуальный подход, согласно которому педагогика должна быть «собранием фактов, группированных на столько, насколько позволяют сами эти факты».

К.Д. Ушинский доказывал, что если большинство наук только открывает факты и законы, но не занимается разработкой их приложения и практической деятельности, то педагогика существенно отличается в этом отношении.

Задачу педагогики Ушинский видел в «изучении человека во всех проявлениях его природы со специальным приложением к искусству воспитания». Практическое же значение педагогики заключается в том, чтобы «открывать средства к образованию в человеке такого характера, который противостоял

бы напору всех случайностей жизни, спасал бы человека от их вредного растлевающего влияния и давал бы ему возможность извлекать отовсюду только добрые результаты».

3.7. Дидактика К. Д. Ушинского

Дидактические взгляды Ушинского отличаются большой глубиной и оригинальностью. Он требовал построения обучения на основе учета возрастных этапов развития детей и их психологических особенностей. В частности, он дал ценные указания по использованию внимания детей во время обучения.

Говоря о памяти и заучивании, Ушинский указывал, что частым повторением, предупреждающим забывание, надо укреплять в воспитаннике уверенность в своей памяти. Обучение, как говорил Ушинский, должно быть построено на принципах посильности его для ребенка и последовательности.

Во избежание переутомления нельзя допускать в первые годы обучения перегрузки детей учебными занятиями.

Исходя из психологических особенностей детского возраста, Ушинский большое значение придавал принципу наглядности. «Дитя мыслит формами, красками, звуками, ощущениями, вообще...»; отсюда необходимость для детей наглядного обучения, «которое строится не на отвлеченных представлениях и словах, а на конкретных образах, непосредственно воспринятых ребенком», – писал он.

Обосновывая принцип наглядности обучения с гносеологической стороны, Ушинский указывал, что единственным источником наших знаний может быть «опыт, сообщаемый нам через посредство внешних чувств». «Непосредственно воспринятые нами из внешнего мира образы являются, следовательно, единственными материалами, над которыми и посредством которых работает наша мыслительная способность».

По словам Ушинского, «этот ход учения, от конкретного к абстрактному, отвлеченному, от представлений к мысли, так естествен и основывается на таких ясных психологических законах, что отвергать его необходимость может только тот, кто вообще отвергает необходимость сообразоваться в обучении с требованием человеческой природы вообще и детской в особенности».

В теоретическую разработку и применение принципа наглядности Ушинский внес много ценного: он дал материалистическое обоснование принципа наглядности. В понимании наглядности Ушинским нет той переоценки и некоторой фетишизации наглядности, какая характерна для Коменского, и того формализма и педантизма в ознакомлении детей с окружающим миром, которые свойственны Песталоцци. Ушинский отвел наглядности принадлежащее ей место в процессе обучения; он видел

в ней одно из условий, которое обеспечивает получение учащимися полноценных знаний, развивает их логическое мышление.

Отвергнув формальные упражнения Песталоцци, Ушинский стремился знакомить детей всесторонне с предметами, хотел, чтобы они уяснили себе действительные связи, которые между этими предметами существуют. Он писал, что замечательный или даже великий ум - это «способность видеть предметы в их действительности, всесторонне, со всеми отношениями, в которые они поставлены».

Ушинский значительно расширил и обогатил новыми приемами методику наглядного обучения, которую раньше создали Коменский, Песталоцци, Дистервег. Так, он разработал подробно указания относительно рассказывания детям по картинкам, указал, что использованные для беседы картины следует оставлять вывешенными в классе для закрепления и повторения сведений, полученных путем беседы, и т.д.

Много внимания уделил Ушинский осмысливанию, основательности и прочности усвоения детьми учебного материала. В понимание и применение этих принципов он также внес много нового по сравнению с предыдущими педагогами. Так, он подробно разработал методику повторения учебного материала (предупреждение забывания, расширение и углубление учебного материала при его повторении, роль повторения для лучшего понимания нового материала и т.д.). Ушинский подробно разработал методику образования у детей общих представлений и понятий из наглядных единичных представлений, методику развития мышления детей одновременно с развитием у них речи, не впадая при этом в формализм.

В процессе обучения Ушинский различает две стадии. На первой стадии дети под руководством учителя наблюдают предмет или явление и составляют о нем общее понятие. Эта стадия имеет три ступени: на первой ступени дети под руководством учителя непосредственно воспринимают предмет или явление. На второй ступени под руководством учителя отличают и различают, сравнивают и сопоставляют полученные представления об изучаемом предмете или явлении и составляют о нем понятие. На третьей ступени учитель своими разъяснениями дополняет полученное детьми понятие, приводит в систему эти понятия, отделяя основное от второстепенного. На второй стадии проводятся обобщение и закрепление полученных знаний.

Ушинский был против деления функции воспитания и обучения между воспитателем и учителем. Он рассматривал обучение как важнейшее средство воспитания. Он требовал, чтобы в начальной школе вместо отдельных учителей, преподающих каждый учебный предмет, были классные учителя, преподающие в данном классе все предметы.

В XIX веке в дидактике существовали две теории о наиболее целесообразном характере образования. Сторонники так называемого «формального образования» (преимущественно защитники классического образования) считали, что главная задача образования – это развитие памяти, внимания, мышления и речи, причем на каком учебном материале (хотя бы далеком от жизни и не имеющем практического значения) будет достигнуто это развитие – вопрос второстепенный. Напротив, сторонники так называемого «материального образования» главное значение придавали материалу обучения, требуя, чтобы учебный материал был жизненным, имел практическое значение. Они поэтому возражали против преподавания в средней школе латинского и греческого языков, главное место отводили родному языку и литературе, математике, естествознанию и новым иностранным языкам, но не придавали достаточного значения развитию умственных сил учащихся.

Ушинский правильно признал обе эти теории односторонними и считал одинаково важным как развитие умственных сил и способностей учащихся, так и овладение ими необходимыми в жизни знаниями. Он указывал, что необходимо и то и другое, более того – одно без другого немислимо, и поэтому противопоставление формального и материального образования бессмысленно.

Сам Ушинский считал, что «индустриальное направление века требует и науки индустриальной», что детей надо знакомить с науками о природе и человеке. Они должны знать родной язык и литературу, историю, географию, математику, очень важны для человека естественные науки. Педагогика должна сделать их «столь же обыкновенными, как знание грамматики, арифметики или истории».

К.Д.Ушинский выступил с резкой критикой классицизма в средней школе, который стал усиленно насаждаться при реакционном министре народного просвещения Толстом. В одной из последних своих статей – «Что нам делать со своими детьми» (1868) – Ушинский, полемизируя с защитниками классицизма в образовании, говорит о громадном образовательном и воспитательном значении естествознания и защищает реальное направление общего образования. Он указывает, что естественные науки развивают умение наблюдать жизнь, интересуют детей несравненно больше, чем латинские и греческие склонения и спряжения, содействуют развитию логического мышления и имеют большое практическое значение. В своей книге для чтения «Детский мир» Ушинский дал большой учебный материал по естествознанию для первоначального обучения. Он горячо рекомендовал практические занятия учащихся сельских школ в огороде и поле.

К.Д. Ушинский об уроке и методах обучения. Ушинский много внимания уделил в своей педагогической системе уроку. Необходимыми условиями успешной организации учебных занятий в школе, характерными чертами классно-урочной системы он считал класс с твердым составом учащихся как основное

звено школы, твердое расписание классных занятий, фронтальные занятия со всеми учащимися данного класса в сочетании с индивидуальными занятиями при ведущей роли учителя.

Виды учебных занятий на уроках могут быть различны: сообщение новых знаний, упражнения, повторение пройденного, учет знаний, письменные и графические работы учащихся. Каждый урок должен иметь целевую установку, быть законченным и носить воспитательный характер. Учитывая сравнительно быструю утомляемость внимания детей (особенно младшего возраста), Ушинский рекомендовал перемену занятий и разнообразие методов.

Придавая большое значение развитию у детей умения самостоятельно работать, Ушинский советовал, чтобы с самого начала школьных занятий учитель приучал детей на уроках к правильным приемам самостоятельной работы. Для этого, по его мнению, на первых порах не следует давать детям домашних заданий, пока они не овладеют правильным навыком самостоятельной работы.

В начальной школе Ушинский рекомендует давать элементарные сведения по истории, географии, природоведению на уроках родного языка путем объяснительного чтения. В процессе объяснительного чтения делаются разъяснения непонятных слов и выражений, нравственные выводы и т.п.

Однако требуется при этом, чтобы своими объяснениями учитель не увел детей в сторону от читаемой статьи или стихотворения, чтобы основной материал чтения всегда стоял в центре внимания.

Ушинский уделяет большое внимание тщательному выбору произведений для детского чтения. Они должны быть высокохудожественными, доступными детскому пониманию, будить в детях энергию, жизнерадостность.

Большое значение Ушинский придавал ознакомлению детей со сказками, былинами, народными песнями, пословицами, загадками. Из произведений русских писателей он рекомендовал доступные для детей избранные сочинения Пушкина, Крылова, Лермонтова, Кольцова и других.

Придавая большое значение грамматике как логике языка, Ушинский предостерегает от двух крайностей: от сухого грамматизма – чрезмерного увлечения грамматикой, с одной стороны, и от пренебрежения грамматикой, недооценки ее – с другой. Каждое грамматическое правило должно быть выводом из употребления форм языка, уже известных детям. К пониманию грамматических правил детей следует подводить постепенными упражнениями.

Ушинскому принадлежит большая заслуга введения и широкого распространения в России звукового метода обучения чтению. Из различных разновидностей этого метода Ушинский рекомендовал аналитико-синтетический звуковой метод письма-чтения и построил по этому методу первые уроки своего «Родного слова».

Учебные книги К.Д. Ушинского. Ушинский составил две учебные книги для начального обучения: «Родное слово» предназначалось для первоначального обучения, начиная с букваря, в котором главное внимание обращено на русский язык в связи с развитием мышления детей и расширением запаса их представлений об окружающей жизни; «Детский мир» – для учащихся несколько более старших (примерно третий и четвертый годы обучения), в нем центр тяжести лежит на сообщении детям первоначальных сведений по естествознанию и географии.

Обе эти учебные книги являются образцом богатства содержания, совершенства языка и методики. Они пользовались заслуженным успехом и широко распространялись в дореволюционной России (первая часть «Родного слова» выдержала около 150 изданий). На этих книгах воспитывались многие поколения русских учащихся. Книги послужили примером, по которому составлялись учебные книги для детей других народов России; например, учебные книги на грузинском языке – известным грузинским педагогом Я.С. Гогебашвили (последователем Ушинского) и другими, а также в ряде славянских стран (например, в Болгарии).

Кроме тщательно подобранного художественного материала (стихотворений, басен, сказок и т.п.) и небольших рассказов нравственного содержания, Ушинский помещает в «Родном слове» свои статьи о деревьях, животных и т.п., которые отличаются замечательной простотой, лаконичностью, научным содержанием, изяществом и образностью изложения.

Особого внимания педагога заслуживают статьи-рассказики в 2-3 строки на какую-либо нравственную тему, например: **«Хромой и слепой. Приходилось слепому и хрому переходить быстрый ручей. Слепой взял хромого на плечи – и оба перешли благополучно».**

Широко использованы в «Родном слове» пословицы, поговорки, скороговорки, загадки. Прекрасно подобраны упражнения для развития у детей умения сравнивать, различать, обобщать. Простота, образность и эмоциональность изложения, разнообразие и богатство материала (из художественной литературы, географии, истории, естествознания), прекрасный язык, умение заинтересовать ребенка, сочетание образовательного и воспитательного элементов, разнообразие и богатство упражнений – таковы достоинства «Детского мира» и «Родного слова» в педагогическом отношении. В них Ушинский впервые использовал произведения Жуковского, Пушкина, Кольцова, Никитина и других русских писателей.

Ушинский считал учебник «фундаментом хорошего преподавания». Оценивая существовавшие в то время в России и Западной Европе учебники, Ушинский указывал два основных недостатка их: бедность фактического материала (фактов, имен, дат) при наличии больших обобщений и, наоборот, эмпирический характер: обилие фактов, переобременяющих память, при бедности обобщений и идей.

3.8. К.Д. Ушинский о народном учителе и его подготовке

Проблема подготовки современного учителя – одна из важнейших социально-педагогических проблем. Разрабатывая педагогику как науку, К.Д. Ушинский особое внимание уделил проблеме учителя и системе его подготовки. Взгляды по этому вопросу изложены им в целом ряде работ.

В самом начале своей педагогической деятельности К.Д. Ушинский в ряде статей показывает, что «самый существенный недостаток в деле русского народного просвещения есть недостаток хороших наставников, специально подготовленных к исполнению своих обязанностей»

Понятие «народный учитель» в профессиональном смысле отсутствовало, поскольку не существовало и народной школы как типа массового учебного заведения. В 60-е гг. учителями немногочисленных народных школ работали дьячки, пономари, отставные солдаты, т.е. люди, не имеющие достаточного общего и тем более педагогического образования.

В статье «О пользе педагогической литературы» (1857) К.Д. Ушинский делает попытку поднять авторитет учителя, показать его огромную общественную роль. В ней был представлен яркий образ народного учителя и сформулированы основные требования к нему. **Прежде всего, К.Д. Ушинский утвердил мысль о том, что учитель – самый важный элемент в педагогическом процессе: «...влияние личности воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которую нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений».**

В этой же статье К.Д. Ушинский дает яркую характеристику общественного значения народного учителя: «Воспитатель, стоящий вровень с современным ходом воспитания, чувствует себя... посредником между всем, что было благородного и высокого в прошедшей истории людей, и поколением новым, хранителем святых заветов людей, боровшихся за истину и за благо. Он чувствует себя живым звеном между прошедшим и будущим, могучим ратоборцем истины и добра, и сознает, что его дело, скромное по наружности, – одно из величайших дел истории, что на этом деле зиждутся царства и им живут целые пополнения».

Высокое общественное значение учителя определяет, по мнению Ушинского, серьезные требования к нему. Одним из важнейших качеств, которым должен обладать учитель, является убеждение; Учитель обязан воспитать у своих воспитанников определенные взгляды, а это возможно лишь в том случае, если он имеет свое мировоззрение. «Главнейшая дорога человеческого воспитания есть убеждение, а на убеждение можно только действовать убеждением». Убеждения учителя нельзя заменить ни инструкциями, ни контролем, никакими программно-методическими указаниями. Учитель, лишенный твердых убеждений, превращается в слепого исполнителя чужих инструкций.

Во многих своих работах К.Д. Ушинский высказывает твердое убеждение в том, что одним из важнейших качеств учителя являются знания, и не только преподаваемого предмета, но и специально педагогические. Природные воспитательные таланты, которые сами прокладывают себе дорогу, встречаются редко, «знание и умение преподавать и действовать преподаванием на умственное и нравственное развитие детей могут быть сообщены молодым людям, и не обладающим особенными способностями». Ушинский разработал вопрос о различных формах и содержании специальной подготовки учителя. Учитель должен обладать разнообразными, ясными, точными и определенными знаниями по тем наукам, которые он будет преподавать. Для народного учителя, писал К.Д. Ушинский, необходимо всестороннее широкое образование.

Подчеркивая важность педагогической направленности преподавания наук в учительской семинарии, Ушинский вместе с тем придавал большое значение специальной педагогической и методической подготовке учителя. Учитель должен получить такие специальные педагогические знания, которые бы помогли ему ясно и четко определить цель воспитания и ясно руководить процессом воспитания на всех его этапах. Специальные педагогические знания нужны учителю также для развития умственных способностей детей и привлечения их активного внимания.

Однако одних теоретических знаний учителю недостаточно, необходимо еще овладеть практическим искусством преподавания, получить навыки в педагогической работе. Эти навыки строятся на научных основах, но все же это есть нечто особое, приобретаемое в практической работе.

Кроме того, Ушинский считал, что будущему народному учителю следует сообщить целый ряд педагогических навыков, необходимых в работе. Так, учитель должен научиться красиво и правильно писать, рисовать, чертить, читать ясно и выразительно и, если возможно, даже петь.

Перед педагогическими факультетами К.Д. Ушинский ставил три задачи: 1) разработка наук, всесторонне изучающих человека «со специальным приложением к искусству воспитания»; 2) подготовка широко образованных педагогов; 3) распространение среди учителей и общественности педагогических знаний и убеждений. Наряду с выполнением этих задач педагогические факультеты должны обеспечивать высококвалифицированными кадрами учительские институты и семинарии.

Разрабатывая проблему подготовки учителя, К.Д. Ушинский рассматривает роль женщины в воспитании и обучении детей. Он выступил в защиту женщин-учительниц, которые, по его мнению, могут быть «не только отличными учительницами в младших классах, но и образцовыми преподавательницами

в классах высших, и притом – преподавательницами таких предметов, каковы, например, химия, физика, высшая геометрия и т.д.».

Ушинский подчеркивает, что учитель не должен ограничиваться полученными знаниями. Очень важно развить в учителе способность и готовность к постоянному расширению своего научного и педагогического кругозора. Учитель учит успешно до тех пор, пока учится сам,

При всем разнообразии и многоплановости взгляды К.Д. Ушинского на учителя и его подготовку проникнуты большой любовью к народному учителю и его благородному труду. Ушинский высоко поднял общественное значение учителя, разработал систему его научной и педагогической подготовки. Значительную часть своих работ он посвятил именно народному учителю. Его понимание проблемы народного учителя было прогрессивным в свое время и теперь остается созвучным нашей эпохе. Идеи К.Д. Ушинского сохраняют свою творческую силу, зовут к новому научному поиску, они действительны в руках нынешних педагогов. Во всей системе педагогической подготовки, учителей плодотворно используется прогрессивное наследие великого русского педагога.

3.9. Великие мысли великого человека

Если вы удачно выберете труд и вложите в него всю свою душу, то счастье само вас отыщет.

Цель в жизни является сердцевиной человеческого достоинства и человеческого счастья.

Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях.

Воспитатель не чиновник; а если он чиновник, то он не воспитатель.

Ни один наставник не должен забывать, что его главнейшая обязанность состоит в приучении воспитанников к умственному труду и что эта обязанность более важна, нежели передача самого предмета.

Самая важная часть воспитания – образование характера.

Главнейшая дорога человеческого воспитания есть убеждение.

Только личность может действовать на развитие и определение личности, только характером можно образовать характер.

Не уметь хорошо выражать своих мыслей – недостаток; но не иметь самостоятельных мыслей – еще гораздо больший; самостоятельные же мысли вытекают только из самостоятельно же приобретаемых знаний.

Расширять свои знания можно только тогда, когда смотришь прямо в глаза своему незнанию.

Голова, наполненная отрывочными, бессвязными знаниями, похожа на кладовую, в которой все в беспорядке и где сам хозяин ничего не отыщет; голова, где только система без знания, похожа на лавку, в которой на всех ящиках есть надписи, а в ящиках пусто.

Пьяному и на светлой улице темно.

Жизнь человеческая замерла бы на одной точке, если бы юность не мечтала, и зерна многих великих идей созрели незримо в радужной оболочке юношеских утопий.

4. ПОСЛЕДОВАТЕЛИ К.Д. УШИНСКОГО

Благодаря энергии и таланту одного человека, в какие-нибудь три года совершенно обновилось и зажило полной жизнью огромное учебное заведение, дотоле замкнутое, рутинное и не возбуждавшее в обществе никакого интереса.

Всюду в Петербурге заговорили о Смольном и его необыкновенных учителях. Чиновники разных ведомств, многие, просто интересовавшиеся педагогическим делом, приезжали нарочно из города послушать удивительные уроки, особенно в младших классах.

Ушинский смотрел на выбор новых учителей как на задачу чрезвычайно ответственную: от этого зависела вся будущность обновления преподавания... Не стесняясь ни летами, ни дипломами, ни социальным положением, Ушинский приглашал каждого учителя, у которого находил то, что ему было нужно.

...все шло от Ушинского и через него, он был наставником и руководителем не только для нас, но и для приглашенных им учителей, главным виновником нашего полного перерождения.

Много десятков лет прошло с тех пор, мой жизненный путь окончен, и я у двери гроба, но до сих пор не могу забыть пламенную речь этого великого учителя, которая впервые бросила человеческую искру в наши головы, заставила трепетать наши сердца человеческими чувствами, пробудила в нас благородные свойства души, которые без него должны были потухнуть (Е.Н. Водозова. На заре жизни).

Константин Дмитриевич Ушинский по праву считается создателем народной школы в России. Все общепедагогические и дидактические вопросы он решал с точки зрения служения интересам своей Родины, своего народа, руководствуясь девизом: «Сделать как можно больше пользы своему отечеству – вот единственная задача моей жизни». Ушинский исходил из того, что воспитание должно охватывать все подрастающее поколение в порядке обязательного обучения, давать ему реальное образование и «приготавливать к труду в жизни». Центральное место в формировании человека принадлежит родному языку. Создан-

ный великим педагогом учебник «Родное слово» оказал огромное влияние на развитие русской начальной школы. Задачу педагогики Ушинский видел в том, чтобы реализовать высшее предназначение человека, раздвинуть пределы его физических, умственных и нравственных сил. Он неоднократно подчеркивал, что если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде всего узнать его тоже во всех отношениях. Ушинский К.Д. предостерегал об опасности грядущей бездуховной вследствие подмены нравственности мировоззрением. Это может иметь катастрофические последствия для человеческой цивилизации. По его убеждению, без нравственных оснований государственные, юридические, общественные и другие институты успешно функционировать не могут. События последнего времени лишней раз доказывают справедливость данного предостережения.

Ушинский К.Д. намного опередил современную ему педагогику. «Человек, – писал он, – владеет далеко не всему силами и способностями, которые скрываются в его нервном организме, только немногие из этой богатой сокровищницы принадлежат собственно человеку, и именно то, что он покорил своему сознанию и своей воле и чем, следовательно, может распоряжаться по своему желанию». Этот логический, вытекающий из всех исследований Ушинский К.Д. вывод остается педагогическим идеалом и для нашего времени.

5. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ушинский, К.Д. Педагогическая антропология: учебник \ К.Д. Ушинский. – В 2-х т. Т. 2. – Изд-во Юрайт, 2018. – 488 с.
2. Ушинский, К.Д. Педагогическая антропология: учебник \ К.Д. Ушинский. – В 2-х т. Т. 1. – Изд-во Юрайт, 2018. – 449 с.
3. Днепров, Э.Д. Ушинский и современность \ Э.Д. Днепров. – М., 2008. – 224 с.
4. Ушинский, К.Д. Лекции в Ярославском лицее. Избранные педагогические сочинения \ К.Д. Ушинский. – Изд-во Юрайт, 2017. – 363 с.
5. Ушинский, К.Д. Моя система воспитания. О нравственности \ К.Д. Ушинский. – Изд-во АСТ, 2018. – 576 с.
6. Князев, Е.А. Россия: от смуты к реформам (XVIII-XIXвв). Курс лекций \ Е.А. Князев. – М., 2009. – 384 с.
7. Латышина, Д.И. История педагогики (История образования и педагогической мысли) \ Д.И. Латышина. – М.: Гардарики, 2005. – 603 с.
8. Серова, А.А. К.Д. Ушинский о роли русского языка в воспитании человека. – www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/2/Serova

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ УШИНСКИЙ
«Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии»

Том 1

(конспект)

«В Интернет есть критика и анализ взглядов К.Д. Ушинского. Но иногда преподаватель требует знакомства с положениями первоисточника. У меня не было намерения подробно законспектировать этот фундаментальный двухтомный труд, т.к. в нем изложены научные факты и гипотезы психологии и физиологии, известные на 1871 г. Здесь приведены в основном общие (концептуальные) педагогические взгляды Ушинского, методологические основы педагогики и психологии, также знаменитые положения о привычках как усвоенных рефлексах»

1. Источник: Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. – Т. 5 / Сост. С.Ф. Егоров. - М.: Педагогика, 1990. - 528 с.

Сокращения: название книги «Педагогическая антропология» - П.а.; автор книги - Ушинский К.Д. - У.; *все выделения курсивом* - авторские, подчеркивание и жирный шрифт - составителя конспекта.

2. Общая характеристика П.а.: «Книга наша назначается не для психологов-специалистов, но для педагогов, сознавших необходимость изучения психологии для их педагогического дела». У. задумывал трехтомный труд, но написать третий том не успел:

- 1 том: методологическое обоснование педагогики в развернутом предисловии (31 стр.); часть физиологическая: изложены свойства живых организмов, процессы их питания и роста, мускульная система, строение и деятельность нервной системы человека, привычки и навыки как усвоенные рефлексy, участие нервной системы в акте памяти, влияние нервной системы на воображение, чувство и волю). Часть психологическая (в несколько раз больше физиологической): весь 1 том посвящен сознанию человека: внимание, ощущение, память, воображение, рассудочный процесс и образование понятий, суждений, умозаключений, индуктивный метод рассуждения, разум. Из изложенных в 1 томе научных законов У. хотел вывести правила дидактики.

- 2 том: продолжение психологической части: эмоциональная и волевая сферы человека. На этих психологических закономерностях У. хотел построить правила воспитания.

- 3 том: планировалось изложить все те возможные педагогические правила, вытекающие сами собою из анализа рассмотренных в 1,2 томах законов психофизиологической деятельности.

ПРЕДИСЛОВИЕ:

3. Задача П.а.: не в том, чтобы дать универсальные правила воспитания, годные на все случаи жизни, а в том, чтобы помочь учителям узнать реальные психофизические и психические закономерности человека, чтобы они могли в каждой конкретной ситуации принимать наиболее соответствующее решение об адекватных педагогических мерах. «Мы не говорим педагогам: поступайте так или иначе; но говорим им: изучайте законы тех психических явлений, которыми вы хотите управлять, и поступайте, соображаясь с этими законами и теми обстоятельствами, в которых вы хотите их приложить. Не только обстоятельства эти бесконечно разнообразны, но и самые натуры воспитанников не походят одна на другую. Можно ли же при таком разнообразии обстоятельств воспитания и воспитываемых личностей предписывать какие-нибудь общие воспитательные рецепты? Едва ли найдется хоть одна педагогическая мера, в которой нельзя было бы найти вредных и полезных сторон и которая не могла бы дать в одном случае *полезных* результатов, в другом *вредных*, а в третьем *никаких*» [с.36].

4. Педагогика - не наука, а искусство: наука изучает существующее или существовавшее, а искусство стремится творить то, чего еще нет. Всякое искусство имеет свою теорию, которая предписывает правила для практической деятельности, черпая основания для этих правил в науке. Джон Стюарт Милль: «Где говорят в правилах и наставлениях, а не в утверждениях относительно фактов, там искусство... Положения искусства не утверждают, что что-нибудь есть, но указывают на то, что должно быть» [с. 8]. Ясно, что в таком смысле ни политику, ни педагогику нельзя назвать науками; ибо они не изучают того, что есть, но только указывают на то, что было бы желательно видеть существующим, и на средства к достижению желаемого. Поэтому **педагогика – искусство, а не наука воспитания.**

5. Два значения термина «педагогика»:

- широкое: педагогика - собрание наук, которые содержат факты, в которых обнаруживаются свойства предмета воспитания, т.е. человека. К обширному кругу антропологических наук принадлежат: анатомия, физиология и патология человека, психология, логика, филология, география, изучающая землю как жилище человека и человека как жильца земного шара, статистика, политическая экономия и история в обширном смысле, куда У. относит историю религии, цивилизации, философских систем, литератур, искусств и собственно воспитания в узком смысле этого слова. «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна *прежде узнать его* тоже во всех отношениях» [с. 15].

- узкое: собрание правил воспитательной деятельности, выведенных из всех антропологических наук. Следовательно, педагогика в этом значении це-

ликом зависит от состояния всех указанных наук. А поскольку У. считал, что в его время сами эти науки еще только в стадии своего становления, то педагогика, естественно, находится в полном младенчестве. Будут совершенствоваться науки - будет совершенствоваться и воспитательная теория, поскольку она перестанет строить правила, ни на чем не основанные, а наоборот, каждое свое правило станет выводить из фактов, добытых наукой.

6. Три главные основы педагогики (в узком смысле): физиология, психология и логика.

7. Педагогика - высшее из искусств:

- «...потому что она стремится удовлетворить величайшей из потребностей человека и человечества – их стремлению к усовершенствованиям в самой человеческой природе: не к выражению совершенства на полотне или в мраморе, но к усовершенствованию самой природы человека – его души и тела...” [с. 8];

- стремится к недостижимому идеалу совершенного человека;

- «...можно надеяться, что человечество, наконец, устанет гнаться за внешними удобствами жизни и пойдет создавать гораздо прочнейшие удобства в самом человеке, убедившись не на словах только, а на деле, что главные источники нашего счастья и величия не в вещах и порядках, нас окружающих, а в нас самих» [с.25].

8. Необходимость ясного определения цели воспитания: «Что сказали бы вы об архитекторе, который, закладывая новое здание, не сумел бы ответить вам на вопрос, что он хочет строить... То же самое должны вы сказать и о воспитателе, который не сумеет ясно и точно определить вам цель своей воспитательной деятельности» [с.11]. «Определение цели воспитания мы считаем лучшим пробным камнем всяких философских, психологических, и педагогических теорий» [с. 13].

- цель воспитания сложно определить, т.к. тот же архитектор работает над неорганическими материалами, а предмет воспитания – человек – живой и уже организованный неким образом материал. Школа, воспитатель, наставники осуществляют только *преднамеренную* воспитательную деятельность, а гораздо более сильным оказывается влияние воспитателей *непреднамеренных*: природы, семьи, общества, народа, его религии и его языка, словом, природы и истории в обширнейшем смысле этих обширных понятий.

- Однако же и в природе, и в истории «многое изменяется самим же человеком в его последовательном развитии, и эти изменения выходят из предварительных изменений в его собственной душе, на вызов, развитие или задержку которых *преднамеренное воспитание*, словом, школа со своим учением и своими порядками, может оказывать прямое и сильное действие» [с. 12].

«Каковы бы не были внешние обстоятельства, – говорит Гизо, – все же человек сам составляет мир. Ибо мир управляется и идет сообразно идеям, чувствам, нравственным и умственным стремлениям человека, и от внутреннего его состояния зависит видимое состояние общества»; и нет сомнения, что учение и воспитание в тесном смысле этих слов могут иметь большое влияние на «идеи, чувства, нравственные и умственные стремления человека» [с. 12].

- касательно цели воспитания мы не можем «удовольствоваться общими фразами, вроде тех, какими начинаются большей частью немецкие педагогики. Если нам говорят, что целью воспитания будет сделать человека *счастливым*, то мы вправе спросить, что такое понимает воспитатель под именем *счастья*; потому что, как известно, нет предмета в мире, на который люди смотрели бы так различно, как на счастье...» [с. 12]

«Та же самая неопределенность будет и тогда, если на вопрос о цели воспитания отвечают, что оно хочет сделать человека *лучше, совершеннее*. Не у каждого ли человека свой собственный взгляд на человеческое совершенство, и что одному кажется совершенством, то не может ли казаться другому безумием, тупостью или даже пороком? Из этой неопределенности не выходит воспитание и тогда, когда говорит, что хочет воспитывать человека *сообразно его природе*. Где же мы найдем эту нормальную человеческую природу, сообразно которой хотим воспитывать дитя? [с. 13]».

- Если за цель воспитания традиционно принимать лишь обучение чтению и письму, то «школа по-прежнему будет чистилищем, через все степени которого надо пройти человеку, чтобы добиться того или иного положения в свете, а действительным воспитателем будет по-прежнему жизнь, со всеми своими безобразными случайностями. Практическое значение науки в том и состоит, чтобы овладевать случайностями жизни и покорять их разуму и воле человека» [с. 17].

9. Цель воспитания по У.: развитие и укрепление характера. «...Важнее и полезнее всех этих открытий и изобретений, часто не делающих человека ни на волос счастливее прежнего, потому что он внутри самого себя носит многочисленные причины несчастья, было бы открытие средств к образованию в человеке такого характера, который противостоял бы напору всех случайностей жизни, спасал бы человека от их вредного, растлевающего влияния и давал бы ему возможность извлекать отовсюду только добрые результаты» [с. 17-18].

10. Взгляд на зарубежные педагогические теории:

- «Перенести к нам целиком одну из психологических теорий Запада мы не могли, ибо осознавали односторонность каждой из них и что во всех них есть своя доля правды и ошибки, своя доля верных выводов из фактов и ни на чем не основанных фантазий» [с.27]. «Сознавая все это, мы задумали изо всех

известных нам психологических теорий взять только то, что казалось нам несомненным и фактически верным, снова проверить взятые факты внимательным и общедоступным самонаблюдением и анализом, дополнить новыми наблюдениями, если это где-нибудь окажется по нашим силам, оставить откровенные пробелы везде, где факты молчат, а если где, для группировки фактов и уяснения их, понадобится гипотеза, то, избрав наиболее распространенную и вероятную, отметить ее везде не как достоверный факт, а как гипотезу» [с.27].

- «Герbart, а потом Бенеке пытались уже вывести педагогическую теорию прямо из психологических оснований; но этим основанием были их собственные теории, а не психологические, несомненные факты, добытые всеми теориями. Педагогики Гербарта и Бенеке, – скорее, добавления к их психологии и метафизике, и мы увидим, к каким натяжкам часто вел такой образ действия... Другой недостаток в педагогических приложениях Гербарта и Бенеке тот, что они совершенно почти выпустили из виду явления физиологические, которых, по их тесной, неразрывной связи с явлениями психическими, выпустить невозможно» [с.28]. «Правда также, что педагогика Карла Шмидта опирается и на физиологию, и на психологию, и еще более на первую, чем на последнюю; но в этом замечательном сочинении дан такой разгул германской ученой мечтательности, что в нем менее фактов, чем поэтических увлечений разнообразнейшими надеждами...» [с.28]

11. Методологические основы антропологии У.:

- научная стройность его труда мало занимала У., поскольку подобные системы, поделенные на множество симметричных клеток, озаглавленных буквами всевозможных азбук, часто за неимением действительного материала принуждают к их заполнению пустыми фразами. При написании П.а. автор всему предпочитал ясность изложения и понятность объяснений психических и психофизических явлений читателю. Также У. осуждает догматический способ изложения материала, «когда автор задался уже предвзятою, вполне законченною теориею, *знает все*, что относится к его предмету, ни в чем не сомневается сам и, постигнув альфу и омегу своей науки, начинает поучать ей своих читателей, которые должны только стараться уразуметь то, что говорит автор» [с.29].

- «Мы старались не быть пристрастными ни к одной из них (психологических теорий) и брали хорошо описанный психический факт или объяснение его, казавшееся нам наиболее удачным, не разбирая, где мы его находили. Мы не стеснялись брать его у Гегеля или гегелианцев, не обращая внимания на ту дурную славу, которою гегелизм расплачивается теперь за прежний, отчасти мишурный блеск. Мы не стеснялись также заимствовать и у материалистов, несмотря на то, что считаем их систему столь же одностороннею, как и идеализм. Верная мысль на страницах сочинения Спенсера нравилась нам более, чем великолепная фантазия, встречающаяся у Платона» [с.29]. «Аристотелю мы обязаны

за очень многие меткие описания психических явлений; но и это великое имя не связывало нас нигде и должно было везде уступать дорогу нашему собственному сознанию и сознанию наших читателей – этому свидетельству «паче всего мира». Декарт и Бэкон, эти две личности, отделившие новое мышление от средневекового, имели большое влияние на ход наших идей: индуктивная метода последнего привела нас неудержимо к дуализму первого... Мы вовсе не сочувствуем восточному мирозерцанию Спинозы, но нашли, что никто лучше него не очертил человеческих страстей. Мы очень многим обязаны Локку, но не затруднились стоять на стороне Канта там, где он до очевидности ясно показывает невозможность такого опытного происхождения некоторых идей, на которые указывает Локк... В Гербарте мы видели великого психолога, но увлеченного германской мечтательностью и метафизическою системою Лейбница, которая нуждается в слишком многих гипотезах, чтоб держаться. В Бенеке мы нашли удачного популяризатора гербартовских идей, но ограниченного систематика. Джону Стюарту Миллю мы обязаны многими светлыми взглядами, но не могли не заметить ложной метафизической подкладки в его «Логике» [с.29-30].

- «Таким образом, мы отовсюду брали, что нам казалось верным и ясным, никогда не стесняясь тем, какое имя носит источник и хорошо ли он звучит в ушах той или другой из современных метафизических партий. Но какова же наша собственная теория, спросят нас? Никакой, ответим мы, если ясное стремление предпочитать факт не может дать нашей теории названия фактической. Мы шли везде за фактами и насколько вели нас факты: где факты переставали говорить, там мы ставили гипотезу – и *останавливались*, никогда не употребляя гипотезу как признанный факт» [с.30].

- Итак, можем сделать вывод о методологии У.: во-первых, это позитивистский (фактический) подход, основанный на индуктивном методе Бэкона; во-вторых, метод Декарта, а именно: 1) считать истинным самоочевидное, то, что не может дать повод сомнению. «...Мы полагали опираться на *собственное сознание* наших читателей – *ultimum argenti* (последнее доказательство) в психологии, перед которым бессильны всякие авторитеты, хотя бы они были озаглавлены громкими именами Аристотеля, Декарта, Бэкона, Локка» [с.27-28]. 2) располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легкопознаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных (например: структура П.а.: организмы растений – нервный организм животных – мир психических (душевных) явлений – мир духовного, свойственный только человеку).

12. Необходимость педагогических факультетов в университетах: «Общественное воспитание совсем не такое малое дело, чтобы не заслуживало особого факультета» [с.15]. Целью педагогического (антропологического) фа-

культета было бы изучение человека во всех проявлениях его природы со специальным приложением к искусству воспитания. Эти факультеты служили бы не для приготовления всех учителей, в которых нуждается страна, но для развития самого искусства воспитания и для приготовления тех лиц, которые или своими сочинениями, или прямым руководством могли бы распространять в массе учителей необходимые для воспитателей познания.

13. Педагогическая (в широком смысле) литература: т.к. антропологических факультетов мы долго не дождемся, то остается один путь для развития правильных идей воспитательного искусства – путь литературный: широкое распространение литературы, содержащей точные сведения по всем антропологическим наукам. У. пишет, что в его время нельзя не заметить благотворных последствий распространения через обширную переводную литературу сведений по физиологии, благодаря чему, например, уже сложно встретить воспитателей, которые, как еще недавно, сомневались бы в необходимости чистого воздуха для организма. Однако в России налицо острая нехватка сведений психологических. Это – одна из причин написания П.а. в виде систематизации фактов, взятых из множества имеющихся на те годы психологических теорий.

14. Требования к воспитателю:

- «Но если нельзя требовать от воспитателя, чтобы он был специалистом во всех тех науках, из которых могут быть почерпаемы основания педагогических правил, то можно и должно требовать, чтобы ни одна из этих наук не была ему совершенно чуждою, чтобы по каждой из них он мог понимать, по крайней мере, популярные сочинения и стремился, насколько может, приобрести *всесторонние* сведения о человеческой природе, за воспитание которой берется» [с.22]. В педагогической практике вредно одностороннее мышление – т.е. воспитатель, который смотрит на человека сквозь одну какую-то призму, например, физиологии, политической экономии, психологии.

- педагогический такт – частный случай психологического такта – полусознательное собрание воспоминаний разнообразных психических актов, пережитых человеком, на основании которого человек полагает возможным действовать на душу другого человека и избирает для этого те средства, действенность которых он опробовал на себе. Педагогический такт незаменим в практике потому, что действует быстро, мгновенно, тогда как положения науки припоминаются и обдумываются медленно. Педагогический такт не есть что-то врожденное, он формируется с опытом.

- педагогический опыт очень важен, но его сложно оценить из-за отдаленности последствий от причин – т.е. сложно отследить, что именно (действия воспитателя либо что-то иное) стало причиной перемен в воспитаннике, ведь на развитие человека имеет влияние не одна лишь школа.

ЧАСТЬ ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ:

15. Основная идея: человек своими корнями неразрывно связан со всем биологическим миром, составляет его высшую ступень и вместе с тем обладает такими свойствами, которые качественно отличают его от всего предыдущего ряда развития жизни. Человеческий организм, как и растительный организм существует благодаря процессам питания и размножения. Вместе с тем, человеческий организм, как и организм животного обладает способностью ощущения, в основе которой – деятельность нервной системы. Основные свойства нервной системы – впечатлительность (способность ощущать), способность рефлексировать и усваивать привычки. Чрезвычайно усложнившаяся в процессе эволюции нервная деятельность является основой психической деятельности (деятельности души по терминологии У.). Психическая деятельность (ощущение, восприятие, память, воображение и т.д.) свойственна и человеку и животным. Но только человеку свойственна такая специфическая область душевной деятельности (нравственность, например), которую У. назвал духовной.

16. Воспитание в обширнейшем смысле слова: прилагается не к одному человеку, но также и к животным и растениям, историческим обществам, племенам и народам – т.е. к организмам всякого рода. В этом смысле воспитывать означает способствовать развитию какого-нибудь организма посредством свойственной ему пищи, материальной и духовной.

17. Виды организмов:

- единичные: растения, животные, человек: их органы материально связаны между собой в пространстве и времени. Их органы живут только для выполнения назначения целого существа.
- общественные: семья, племя, народ, государство, человечество: их органы представляются нам отдельными органическими существами в пространстве и времени, связанными между собой не материально, а условиями развития и жизни. Целое живет исключительно для своих материально отдельных органов, для того, чтобы дать им возможность жизни и развития. Так, «семья, племя, народ, государство, человечество имеют свою цель в личности отдельных людей» [с.44].

18. Физическое воспитание: раздел теории искусства воспитания. На развитие растительного организма в индивидуальном человеке может оказывать произвольное влияние другой человек посредством координации процесса питания воспитанника – пищи, воздуха, света, температуры. Правила этого влияния и составляют воспитание физическое, которое специально разрабатывается медициной.

19. Привычки как усвоенные рефлексy:

- приобретение человеком привычек возможно благодаря способности нервного организма не только иметь природные рефлексy, но и усваивать новые под влиянием деятельности.

- «Под именем нервной привычки в точном смысле слова мы разумеем то замечательное явление нашей природы, что многие действия, совершаемые нами вначале сознательно и произвольно, от частого их повторения совершаются потом без участия нашего сознания и произвола и, следовательно, из ряда действий произвольных и сознательных переходят в разряд действий рефлексивных, или рефлексов, совершаемых нами помимо нашей воли и нашего сознания» [с.139].

- «В этом уже сама собой открывается вся обширность возможности через посредство привычки вносить в нервный организм человека существенные изменения, дающие ему те способности, которых он не имел от природы. На этой способности нервов к усвоению новых ассоциаций рефлексов и расстройству старых основываются не только все те привычки и навыки, которые преднамеренно сообщаются дитяти воспитанием, но также и те, которые сообщаются ему без всякого намерения, самую жизнью, и с которыми нередко приходится бороться воспитателю, а потом и самому человеку или обществу» [с.139].

20. Навыки как усвоенные рефлексы: «Привычку, не переходящую в *наклонность*, правильнее было бы назвать *навыком*, каковы все привычки в искусствах и ремеслах...» [с.140].

21. Возникновение наклонностей из привычек: объясняется таким свойством нашей души: душа «требует постоянной деятельности и в то же время избегает препятствий, а, следовательно, требует деятельности легкой: вот почему самая легкость для нас той деятельности, к которой привыкли нервы, устанавливает наклонность к этой деятельности. Правда, сознание и воля всегда остаются при нас, и, как бы сильно ни было влечение нашего нервного организма в каком-нибудь направлении, мы всегда можем противодействовать ему; но дело в том, что, тогда как сознание наше и воля действуют почти моментально, урывками, нервный организм со своими наклонностями и привычками влияет на нас постоянно; и тогда как идти вслед за наклонностями нервов для нас легко и приятно – противодействовать им тем труднее и неприятнее, чем более вкоренилось в них противоположное направление» [с.140].

22. Укоренение привычек: «Чем моложе организм, тем быстрее укореняются в нем привычки. Дитя усваивает привычку гораздо быстрее и вернее, чем старик» [с.141]. «Но мы не совсем согласны с теми, которые, как, например, Бэкон, думают, что привычки детства труднее искореняются. Это справедливо только в том отношении, что чем старее привычка, тем она крепче, так как она укореняется именно повторением. Но если дитя, например, скоро выучивается иностранному языку, то оно точно так же скоро и забывает его, если перестает в нем упражняться» [с.141].

23. У. подчеркивает важность бессловесного периода жизни младенца:

- «Область привычки и навыка гораздо обширнее, чем обыкновенно думают. Немедленно же по рождении начинает дитя делать различные опыты и приноравливания, которые потом обращаются у него в бессознательные навыки и привычки» [с.141]. К таким навыкам, укореняющимся в младенчестве, которыми мы потом пользуемся, не помня совершенно их трудной истории, принадлежат в нас: умение видеть предметы в перспективе и верно схватывать подаваемый предмет (образуется на 3-4 мес. после рождения); навык видеть двумя глазами один предмет, т.е. превращать два отражения в одно ощущение; навык при движении головы и глаз не считать неподвижные предметы движущимися; навык брать себя за больное место и чесать то, которое чешется; комбинация слуха и зрения, когда мы направляем глаза в ту сторону, откуда исходит звук и т.д.

Все эти сложные и не врожденные нам акты деятельности наших чувств - это навыки, сделанные нами сознательно в раннем детстве, но сам акт их выработки нами позабыт, как и все, что относится к бессловесному периоду нашей жизни. «Так деятельно работает психическая жизнь в ребенке, в то время когда на глаза взрослых он почти не человек» [с.142].

- «...для родителей и воспитателей чрезвычайно важно сознавать ясно, что ребенок и в первый год своей жизни живет не одною физическою жизнью, но что в душе его и в его нервной системе подготавливаются основные элементы всей будущей психической деятельности: вырабатываются те силы и те основные приемы, с которыми он впоследствии будет относиться и к природе и к людям. Усвоив такой взгляд на младенца, родители и воспитатели подумают не об одном его физическом здоровье, но и об его духовном развитии. Конечно, этот период слишком закрыт от нас, чтобы мы могли внести в него наше положительное вмешательство; но мы можем действовать на него благотворно, удаляя от ребенка в этом возрасте все, что могло бы помешать его правильному развитию - физическому и духовному» [с.145].

- «Существует, например, убеждение, кажущееся для многих предрассудком, что злая кормилица вскормит и злого ребенка; но это не совсем предрассудок. Конечно, злость не может быть передана через молоко, хотя молоко раздраженной женщины портит желудок ребенка; но злая женщина обращается *зло* с младенцем и своим обращением, а не молоком сеет в нем семена злости или трусости. Не должно забывать, что первое понятие о человеке, которое впоследствии закрепится словом, образуется в ребенке в бессловесный период его жизни и что на образование этого понятия имеют решительное влияние те первые человеческие личности, которые отразятся в душе ребенка и лягут в основу его будущих отношений к людям» [с.145].

24. Наследственность привычек: «...наследственно передается не самая привычка, а *нервные задатки привычки*, и эти нервные задатки, смотря

по обстоятельствам жизни, могут развиваться в привычку или остаться неразвитыми и заглухнуть с течением времени» [с. 152]. Такая установившаяся и унаследованная нервная особенность, выражающаяся невольною склонностью, становится доступной сознанию только в своих действиях, оставаясь сама вне области сознания. Строго говоря, вся наша нервная система представляет собой собрание таких скрытых от области сознания идей, причин, действию которых душа подвергается, но о существовании которых не знает.

25. «Наследственные склонности, распространяясь и наследственно, и примером, составляют материальную основу того психического явления, которое мы называем народным характером» [с.157]. Если привычка имеет такую власть над отдельным человеком, то эта власть гораздо больше над людьми, соединенными в общество, как, например, в армии, школе, монастыре и т.п. Здесь смешиваются сила примера и сила привычки, и когда они действуют заодно, то почти ничто не может с ними бороться. Вот откуда такая огромная воспитательная сила английских институтов, проникнутых одним, давно укоренившимся духом, постоянных в своих действиях, соответствующих народному характеру своих воспитанников.

***См. подробнее о народном характере в статье У. «О народности в общественном воспитании»**

26. Нравственное и педагогическое значение привычек:

- английское воспитание ставит на первый план сообщение детям добрых привычек. Учение есть передача принципов, а воспитание – передача привычек. Германское воспитание не придает привычкам такой важности. Гораздо благоразумнее для педагога глядеть на значение привычки глазами глубокомысленного Шекспира, который называл привычку то чудовищем, пожирающим чувства человека, то его ангелом-хранителем:

- «добрая привычка есть *нравственный капитал*, положенный человеком в свою нервную систему... Капитал привычки от употребления возрастает и дает человеку возможность... все плодovitее и плодovitее употреблять свою драгоценнейшую силу – *силу сознательной воли* и возводить нравственное здание своей жизни все выше и выше, не начиная каждый раз своей постройки с основания и не тратя своего *сознания* и своей *воли* на борьбу с трудностями, которые были уже раз побеждены» [с.155].

- дурная привычка «есть *нравственный невыплаченный заем*, который в состоянии заморить человека процентами, беспрестанно нарастающими, парализовать его лучшие начинания и довести до нравственного банкротства». Ведь «привычка, установляясь понемногу и в течение времени, искореняется точно так же понемногу и после продолжительной борьбы с нею. Сознание наше и наша воля должны постоянно стоять настороже против дурной привычки,

которая, залегши в нашей нервной системе, подкарауливает всякую минуту слабости или забвения, чтобы ею воспользоваться...» [с.155] «Пока жив человек, он может измениться и из глубочайшей бездны нравственного падения стать на высшую ступень нравственного совершенства» [с.156], сознательно борясь всю жизнь со своими дурными врожденными наклонностями и вырабатывая в себе добрые правила, руководствуясь сознанием необходимости добра.

- значение навыка в учении и так ясно: во всяком умении – ходить, говорить, читать, писать, считать, рисовать и т.д. – навык играет главную роль. «Вот почему то воспитание, которое упустило бы из виду сообщение воспитанникам полезных *навыков* и заботилось единственно об их умственном развитии, лишило бы это самое развитие его сильнейшей опоры...» [с.158].

ЧАСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ:

27. Переход от физиологии к психологии: физиология, основанная на фактах и наблюдениях, не смогла отыскать в нервной системе никаких условий, которые могли бы нам объяснить такие явления как сознание, чувство, воля. Следовательно, для их изучения необходимо перейти от физиологических к психологическим методам исследования. Для нас ясно одно: нервная система - неизбежное звено и единственный посредник между внешним миром и душой. «Душа не ощущает ничего, кроме разнообразных состояний нервного организма, и насколько внешний мир своими влияниями отражается в этих состояниях, настолько он и доступен душе» [с.183].

28. Метод психологии: самонаблюдение (интроспективный метод), основывающееся на врожденной человеку способности сознавать и помнить свои душевные состояния. «Всякое психологическое *наблюдение*, которое мы делаем над другими людьми или извлекаем из сочинений, рисующих душевную природу человека, возможно только под условием предварительного *самонаблюдения*» [с.184].

- уже сама физиология, как только дело идет в ней о деятельности органов чувств и движений, не довольствуется одними наблюдениями, а прибегает к самонаблюдениям: например, физиолог, предполагая чувство или желание причинами тех или иных движений оперируемого им животного, отправляется от психологических наблюдений чувств и желаний в самом себе и знает о них только то, что сам испытал.

- психологическая наука должна начинаться с самонаблюдений и к ним же возвращаться. Если же она говорит о психологических явлениях у других людей, то не иначе, как по аналогии, заключая по сходству в проявлениях о сходстве причин. Только самонаблюдение, самосознание человека может быть критерием для таких психических аналогий. «Если есть что-нибудь, в чем

я не могу сомневаться, то это только в том, *что я ощущаю то, что я ощущаю*» [с.185]. И у читателя психологического труда критерием доверия к психологу являются собственные самонаблюдения. «Если читающий психологию находит, что описания верны в отношении тех психических явлений, которые в нем самом совершаются, то эти описания имеют для него полный авторитет. В таком отношении к читателям стоит, впрочем, не одна психология, но все те науки, в глубокой основе которых лежат результаты самосознания человека или человечества» [с.186].

29. Психология как эмпирическая наука: «психология разделяет участь всех наук, основанных на опыте и наблюдении. Все опытные науки, как это уже уяснилось в современной логике, стремятся к тому, чтобы дать такое описание явлений, которое делало бы ненужными теории и гипотезы; но разве хоть одна наука, кроме математики, достигла такого положения? В этом отношении математика стоит уединенно посреди наук, основанных на наблюдении над внешнею природою, и наук, основанных на психических самонаблюдениях. Одна математика основывается *не на наблюдении* над фактами внешней природы или души, которое всегда может быть ошибочно, а на *самом факте...*» [с.186].

Т.е. У. считает, что требование позитивизма превратить психологию в точную науку а la математика - неправомерно, т.к., например, предмет психологии - человеческая психика - не сравним с числом в математике

30. Система изложения психических явлений: в психологии вопрос о системе изложения важнее, чем в других науках, где предмет своей видимой организацией указывает, какова должна быть эта система. Задача, которую стремится разрешить психология - организация психических явлений, поэтому здесь система их изложения одновременно является и научной гипотезой, направляющей исследование. Есть 2 системы:

- догматическая: выработав себе какую-нибудь теорию организации душевных явлений, германские психологи ставят ее на первых страницах своей книги, подбирая потом и душевные явления, и их объяснения под эту теорию. Такой подход: внушает менее доверия читателю, зато выигрывает в стройности изложения и допускает менее возможностей противоречий.

- аналитическая: английские психологи не любят предпосылать теорий своим анализам душевных явлений, но анализируют одно душевное явление за другим в таком порядке, какой кому кажется удобнее. Такой подход: читатель может быть доверчивее к писателю, присутствуя сам при его аналитических работах, но зато по окончании чтения не выносит никакого цельного взгляда на изучаемый предмет и обнаружит множество противоречий.

- У. хочет синтезировать оба эти подхода: «мы будем стараться удерживать средний путь, предпосылая анализ теории, где это возможно, и гипотезу

анализу, где это окажется неизбежным» [с.189]. У. предпочитает везде начинать с общепринятых психологических убеждений и потом уже из наблюдений над явлениями одни из этих убеждений принимать, другие ограничивать, третьи изменять.

31. Деление психических явлений: У. исходит из общепринятого на то время деления на явления сознания, чувства и воли. Одновременно он вводит свое, авторское разделение психических явлений на:

- **душевные**: общие и человеку, и животному;
- **духовные**: свойственны одному только человеку (произвольное рассуждение, разум, дар слова, религиозные, нравственные, эстетические стремления и т.д.).

32. Что такое сознание:

- увидеть его можно только через его деятельность: внимание, память, воображение, представления, рассудок (все эти акты сознания могут быть как произвольными, так и непроизвольными).

- **«...самый существенный акт сознания - сличение, различение и сравнение, акт, лежащий в основе всех сознательных психических процессов...»** [с.453] Сознание есть не что иное, как акт сравнения двух или нескольких впечатлений. "Где душа не имеет возможности сличать, различать и сравнивать, там она не начинает или перестает сознавать" [с.454].

- «...сознание пробуждается в душе только при воздействии на нее нервного организма или при воздействии души на нервный организм» [с.453]. «Мы не можем сознавать ничего, идущего из внешней для нас природы, помимо нашей нервной системы. Только то, что способно возбудить в ней своеобразные движения, может быть сознаваемо нами. Однако же не всякое *впечатление* внешнего мира на нашу нервную систему превращается душою в *ощущение*. Множество впечатлений, испытываемых нервным организмом, проходят незамеченными душою, хотя могут оказать сильнейшее влияние на состояние нашего тела» [с.453-454].

- объем сознания всегда ограничен, оно может вместе сознавать только несколько ощущений, представлений и понятий, но чем больше этих материалов и чем они разнообразней, тем осознание каждого из них делается тусклее. **В сознании есть постоянное стремление привести все сознаваемое к единству.**

33. Рассудок: это плод сознания – постижение предметов и явлений, причин и законов явлений путем образования понятий, суждений и умозаключений. Рассудок с его стремлением к односторонности (монизму) и уничтожению противоречий У. называет движущим принципом науки.

- «Результат рассудочного процесса, как произвольного, так и непроизвольного, *всегда произволен*, но самый процесс может быть произвольным

и произвольным» [с.456].

- произвольный рассудочный процесс совершается одинаково везде, где есть сознание - и у человека, и у животных;

- произвольный рассудочный процесс свойственен только человеку. «Источник этой свободы в рассудочном процессе человека находится в свободе его души, а источник свободы его души – в ее самосознании, *ибо свободную волю, как мы это увидим впоследствии, может иметь только то существо, которое имеет способность не только хотеть, но и сознавать свой душевный акт хотения*: только при этом условии мы можем противиться нашему хотению» [с.457];

34. Разум: плод самосознания: это результат сознания душою своих собственных рассудочных процессов в их неограниченных стремлениях и ограниченных результатах. Разум с его спокойным сознанием тех противоречий, которых страшится рассудок, есть основа практической деятельности человека, следовательно - основа воспитательного искусства.

35. Остроумие:

- состоит в том, что, имея в нашем сознании в одно и то же время целую ассоциацию сложных представлений с бесчисленными элементами, их составляющими, мы подмечаем малейшие черты сходства, схватываем его и выражаем в метком и неожиданном слове;

- уловить отдаленное сходство и попасть на такую вереницу мыслей, на которую другие не попадали;

- состоит в сближениях, которых не ожидали, в отыскании возможности связать два таких представления, связи между которыми другие не видали (с.289, пересказ не дословный).

36. Формирование представлений в юности: «Мы считаем период в жизни человеческой от 16 до 22-23 лет самым решительным. Здесь именно довершается период образования отдельных верениц представлений, и если не все они, то значительная часть их группируются в одну сеть, достаточно обширную, чтобы дать решительный перевес тому или другому направлению в образе мыслей человека и его характере... Впоследствии уже такая постройка всего содержания души гораздо затруднительнее, если и возможна. *В огне, оживляющем юность, отливается характер человека*. Вот почему не следует ни тушить этого огня, ни бояться его, ни смотреть на него как на нечто опасное для общества, ни стеснять его свободного горения, а только заботиться о том, чтобы материал, который в это время вливается в душу юноши, был хорошего качества» [с.300].

37. Противоречие дуализма и монизма: для всех нас самоочевидно, что в человеке существуют два мира: душевный и материальный. Но индивид, начиная мыслить, упорно впадает в какую-либо крайность: идеализм или мате-

риализм. У. призывает к дуализму: признанию и учету и материальных, и идеальных факторов.

38. «Схоластика есть порождение ученого самодовольства, и не нужно думать, что она принадлежит только средним векам: никакой век от нее вполне не обезопасен. Мы смеемся над средневековой схоластикой и спешим завестись собственной. Разве в *идеализме* Гегеля точно так же, как и в *позитивизме* Конта, не проглядывает ее мертвящий глаз?» [с.402]

Приложение 2

Константин Дмитриевич УШИНСКИЙ
О народности в общественном воспитании

1. Источник: Ушинский, К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. – Т. 1 / Сост. С.Ф. Егоров. –М.: Педагогика, 1990. – 416 с.

Общая характеристика: статья (62 страницы) состоит из 8 глав: Общие исторические основы европейского воспитания; Характеристические черты германского общественного воспитания; Общественное воспитание в Англии; Общественное воспитание во Франции и два слова о методе Жакото; Общественное образование в Северо-Американских Штатах; Народный идеал воспитания и его теория в Германии: ее защитники и противники; Характер. Его элементы. Наследственность темпераментов. Влияние жизни и воспитания на характер. Элемент народности в характере человека; Воспитание и характер. Какую роль играет народность в воспитании?

Статья опубликована в 1857 году, т.е. некоторые приведенные в ней факты и наблюдения сегодня, несомненно, имеют другое значение.

2. Вопрос о народности в науке:

- если под «наукой» понимать «собрание результатов добытых человеком в познании законов природы, разума и истории, то ясно само собой, что о народности здесь не может быть и речи. Наука потому и наука, что принимает в область свою только те выводы, которые справедливы по законам общего человеческого мышления» [с.194]. «Каждый образованный народ только тогда имеет значение в науке, когда обогащает ее истинами, которые остаются такими для всех народов» [с.194]. «Могла ли бы, наконец, идти наука вперед, если бы каждый народ создавал для себя особую науку, не усваивая результатов, добытых его предшественниками и современниками?» [с. 195]

- Хотя оттенок народности неизбежно проглядывает в обработке науки, он не касается ее результатов. Например: «если в историке можно почти всегда

узнать француза, англичанина или немца, то это только потому, что каждый из них разрабатывает одну сторону предмета, к которой влечет его национальный характер. Но результаты, добытые такими учеными, верны для каждого человека относительно той стороны предмета, которой они занимались, в противном случае эти результаты не войдут в науку» [с.194]. Такое народное влечение к той или другой науке или к определенной стороне предмета вырабатывается в каждом народе вследствие природных или исторических причин.

3. Воспитание – не наука: для него наука не цель, а одно из средств, которыми оно развивает в человеке свой собственный идеал. Воспитание берет человека как он есть, со всеми его народными и единичными особенностями, воспитание обращается к характеру человека, а характер и есть та почва, в которой коренится народность.

См. также разграничение сфер компетенции воспитания как искусства и науки как средства воспитания в 1-м томе «Педагогической антропологии» Ушинского

4. Общие исторические основы европейского воспитания:

- христианская церковь, объединившая средневековую Европу сетью своих учреждений, прямо или косвенно определяющих общественную жизнь: единство университетов, школ, общая для всех «немногосложная средневековая наука» (семь свободных искусств), везде один и тот же латинский язык, всюду одинаковы педагогические установления. Результат: единство духовной жизни Европы.

- возрождение классической древности, классицизм поддержал единство духовной жизни Европы, когда религиозное единство начало колебаться к концу средних веков.

5. Начало образования национальных систем воспитания: в Новое время вся жизнь Европы стала проходить внутри отдельных государств, подчиняясь в каждом из них своему особенному развитию. Общественное воспитание, став одним из элементов государственной и народной жизни, пошло у каждого народа своим особенным путем. Несмотря на упоминавшееся внешнее сходство, «в каждой стране под общим названием общественного воспитания и множеством общих педагогических форм кроется особенное характеристические понятие, созданное характером и историей народа» [с.198]. У каждого народа своя особая цель и свои особые средства к достижению этой цели. И хотя в школах всего образованного мира везде преподается одна и та же латинская и греческая грамматика, изучаются одни и те же греческие и латинские писатели, та же история с своими нескончаемыми пуническими войнами, но всякий народ ищет и находит в этих всемирных учителях особенную пищу, сообразную его национальности.

6. Характерные черты германского общественного воспитания:

- типичная черта германского характера, которая до сих пор определяла значение Германии во всемирном развитии человечества – склонность к отвлечению (абстракциям) и выходящая из нее склонность к системе. Для немца недостаточно понять вещь, ему нужно определить ее и дать ей место в системах своих знаний. Определениями пустейших и ничтожнейших предметов набиты кипы немецких учебников.

- итак, глубокомыслие и ученость – лицевая сторона этой народной склонности, мелочный формализм и педантизм – оборотная. Эта красная нить германского характера стала основой общественного образования Германии.

- прежде всего и более всего немецкое воспитание стремится к всесторонности и систематичности познаний. Программы немецких факультетов, гимназий пугают своею многосложностью и громадностью. **В Германии наука и ученость являются окончательной целью воспитания.** «Умение приложить знания к делу, укрепление душевных способностей, развитие характера, внешняя полировка человека составляют для немецкой педагогики вопросы второстепенные. Она и на самый характер человека думает действовать не иначе, как через посредство знаний» [с.200]. Человек ученый и человек хорошо воспитанный – для немца одно и то же.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В АНГЛИИ:

7. Цель и идеал английского воспитания: развитие характера, образа мыслей, манер истинного джентльмена. Эта цель крайне противоположна германскому воспитанию, т.к. менее всего заботится о полноте и систематичности знаний, а ученость ей представляется лишь одной из профессий человека, которой он может заняться, если ему нечего более делать.

8. Английское общественное воспитание: предоставлено усилиям частных лиц и церкви. Правительственной или общей государственной системы образования в Англии нет вовсе. Образование граждан государства не входит в число обязанностей английского правительства, и сама эта идея, укоренившаяся в Германии вместе с протестантизмом, чужда Англии.

- английское общественное воспитание существует для аристократов и джентри (небогатого дворянства), которое хотя не отделено от остальной массы народа никакими законными правами, но на деле составляет особенный класс – опору английского общественного устройства.

- народным образованием занимается 1) англиканская церковь, которая считает общественное образование своей частной привилегией; и 2) филантропия богатых людей: по числу благотворительных учебных заведений Англия занимает первое место между государствами Европы, все эти учреждения – частные.

- деятельность правительства в сфере образования ограничивается 1) элементарными школами для беднейшего класса. 2) инспекцией над воспитательными учреждениями: это возможно путем добровольного контракта с обеих сторон: правительственный комитет выделяет денежные средства учебному заведению, а взамен получает от него право инспекции и надзора.

9. Причины устойчивости классического характера английского воспитания: средневековые корпорации Оксфорда и Кембриджа, как и другие укрепленные давностью знаменитые школы Англии – Итон, Вестминстер, Харроу, Рюгби – являются вековыми и могущественными опорами всей системы английского общественного воспитания, задают тон педагогике других более мелких корпораций и частных учебных заведений. Они свято сохраняют существующие столько столетий традиции.

10. «Каков характер народа, таков и характер его воспитания»:

- английский джентльмен, как и немец, просиживает лучшие годы своей молодости за классиками и приобретает в классической литературе твердые, никогда не изглаживающиеся познания. Но англичанин ищет в классиках не предметы исторического изучения или философского анализа, за которыми гоняется немец, а привычки к той силе и ясности языка, определенности и точности выражений, которыми отличается классическая литература.

- главное в английском воспитании – образование и укрепление характера, привычки владеть собой (selfgovernment), отличающей всякого истинного джентльмена. **Английские древние университеты и школы более воспитательные, чем учебные, заведения.** Школьная дисциплина поддерживается более всего самими воспитанниками и состоит в повиновении письменному закону и обычаям, которые держатся столетиями во многих старых школах.

- «чем ранее начнете вы обращаться с мальчиком как с взрослым человеком, тем он скорее человеком сделается» – это изречение Дж. Локка – аксиома английской педагогики. Это отчасти негативная сторона английской педагогики – слишком раннее взросление ребенка, такая ранняя сдержанность и замкнутость, конечно, полезны в жизни, но дышат холодом во взрослом человеке и неприятно поражают в ребенке. «Эти маленькие, холодные джентльмены, так умеющие *держаться себя*, не по нутру славянской размашистой природе. Английское воспитание так увлеклось *полезным* (useful) в развитии детского характера, что часто пренебрегает тем, что в нем есть прекрасного... Педагогика, развивая в ребенке будущего человека, не должна забывать, что детство также есть период жизни, и часто лучший ее период» [с.206].

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ВО ФРАНЦИИ:

11. Общественное воспитание во Франции: гораздо труднее определить характер французского общественного воспитания именно потому, что в нем мало характера:

- основы устройства общественного воспитания во Франции положены Наполеоном Бонапартом. Однако это «гениальное создание великого человека», предусматривавшего независимость образовательной системы от борьбы партий и политических переворотов, медленно подтачивается чередой политических сил, пребывавших у власти во Франции. Французское учебное ведомство, «если оно может чем-нибудь похвалиться, так это необыкновенной централизацией, доведенной до того, что каждое элементарное училище отражает в себе малейшую перемену в министерстве, а таких перемен приходилось во Франции до сих пор на каждый год по несколько» [с.211].

- семейное воспитание во Франции существует как редкое исключение, родители стараются как можно скорее сбыть детей в пансион или колледж. Отсюда понятно, что общественное воспитание во Франции должно было бы заменять семью такому множеству детей, но нет ничего семейного во французских учебных заведениях.

- французские школы больше служат и спекулируют, чем занимаются воспитанием. Наперегонки одна перед другой они стараются выставить напоказ образцовых воспитанников, не заботясь о других. Педагогическая дисциплина вся направлена к тому, чтобы развить самолюбие воспитанников и заставить соревноваться друг с другом тех из них, которые имеют соответствующие природные способности; остальные должны сидеть смирно и не мешать.

12. Характерные черты французского общественного воспитания: **внешний блеск, тщеславие и материальная польза.**

- классические языки и классическая литература составляют основу французского общественного воспитания. Но француз прибавляет к древним классикам и своих собственных и изучает тех и других чаще всего на память. Он не углубляется в грамматические и филологические тонкости, слегка пробегает содержание древней литературы, но выучивает наизусть эффектные фразы, которые будет цитировать при всяком удобном случае. Так же поступает он со своими классиками, изучение которых занимает большую часть его школьной жизни.

- вся классная дисциплина основывается на принуждении, с одной стороны, и на развитии самолюбия, с другой. В самолюбии учеников французская педагогика нашла сильнейший рычаг и работает им беспощадно: французские наставники жалуют своих воспитанников орденами, производят их в чины и печатают их имена в газетах. Француз учится отчасти для того, чтобы приобрести технические познания, которые понадобятся ему в жизни, отчасти для то-

го, чтобы получить известный лоск, необходимый образованному человеку в обществе, но более всего для того, чтобы отличиться на экзамене и прочесть свое имя в газете.

- однако если ученое образование, общее умственное развитие и воспитание нравственности и характера мало достигаются французским образованием, то французские технические учебные заведения процветают и служат примером для всей Европы.

13. Метод Жакото: основанный на запоминании текстов метод обучения родному и иностранному языкам. Как видим, Жакото не изобрел ничего нового, только соединил в своем методе все характерные черты французского воспитания: заучивание наизусть целых тирад из греческих, римских и французских классиков, словесные и письменные подражания им задолго до Жакото составляли главное занятие воспитанников французских колледжей и лицеев.

Аргументы Ушинского против этого метода: «лучше писать неловко, тяжело, да *по-своему*, чем чужими готовыми фразами... из *собственного своего тяжелого слога* вырабатывался слог великих писателей и даже просто дельных людей, а из чужих готовых фраз выйдут только фразы, которыми так обильна французская литература, и более ничего не выйдет» [с.216].

ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ ШТАТАХ:

14. Исторические особенности:

- общественное образование рассматривается на примере главнейших свободных штатов так называемой Новой Англии (историческая область США, образованная английскими эмигрантами-протестантами, штаты: Вермонт, Нью-гемпшир, Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд).

- систему общественных учебных заведений американцы начали строить снизу, а не сверху, в противоположность историческому ходу европейского образования.

- североамериканское общественное образование является дальнейшим развитием английского, происшедшим вследствие освобождения американского общества от тех исторических традиций, которые упорно соблюдает Англия. Вследствие чего в основе североамериканского общественного образования лежит мысль, совершенно чуждая Англии: государственная система общественных школ. Протестантское правило, по которому образование признавалось обязательным для членов общины и каждый отец семейства должен посылать своих детей в школу, было развито пуританами Новой Англии в государственную систему общего образования.

15. Характерные черты североамериканского общественного образования:

- «...отказавшись от английского понятия об общественном образовании как о деле частном, североамериканцы нашли средство примирить строгость принудительного образования пуритан с отвращением североамериканских консерваторов от централизации. Обязанность заводить школы признана за каждой общиной, которая только имеет сто семейств или хозяйств, но зато и все управление школой, ее хозяйственная и педагогическая часть находится в руках самой общины» [с.220].

- децентрализация школ: если в Германии и Франции устройство, управление и вся учебная программа школ определена самыми подробными законами, то в Америке закон ставит только несколько основных условий, все остальное предоставив самим общинам. Новые меры проводятся особенным правительственным органом, через убеждение членов общин публичными лекциями, брошюрами, примером. Такой образ действия до сих пор был весьма успешен: новая педагогическая мера, полезность которой перешла в убеждение публики, быстрее распространяется, активнее проводится в жизнь, обладает значительной устойчивостью.

- в Америке, в отличие от Германии, духовенство не принимает никакого участия в публичных школах, потому что религиозное воспитание отделено от светского. Единственное, что требуется - чтобы преподавание было основано на христианских началах.

- право инспекции точно так же, как и в Англии, покупается правительством штатов у общинных школ за определенную сумму финансирования.

- роль частной инициативы и добровольных пожертвований для организации общественных высших учебных заведений очень высока в Америке.

- наличие большого числа учительниц, преподающих как в низших и средних, так и в высших учебных заведениях – чисто американское явление.

- **американская педагогика носит английский характер, хотя и сильно измененный демократизмом. Развитие характера также составляет одну из главнейших целей американского воспитания: патриотизм, привычка участвовать в политической жизни общины и общинное самоуправление рано развиваются у американских школьников.**

16. Градация образовательной системы: обязанность общин учреждать школы не ограничивается лишь элементарными (как, например, в Германии). Несколько общин вместе составляют учебный округ, который обязан содержать школу более высокой ступени – английскую или латинскую, а также высшую школу (highschool). В градации этих школ соблюдается постепенность: где останавливается курс элементарной школы, там начинаются курсы латинской или английской, для которых в свою очередь служит продолжением курс высшей

школы. Эта градация не соблюдается в Германии или Англии, где разные школы предназначены для разных сословий.

17. Подвижность общественного образования: содержание программ высших учебных заведений Америки поражает необыкновенным разнообразием. К историческому характеру заведения или жертвователя средств присоединяется еще та необыкновенная подвижность, которая отличает американцев во всех их начинаниях: в первую очередь они соображаются с обстоятельствами и требованиями минуты. «Подарил ли кто-нибудь коллегии несколько хороших астрономических инструментов – и открывается подписка (т.е. сбор частных пожертвований) на кафедру астрономии; поселился ли где-нибудь поблизости замечательный физиолог – и ближайшая коллегия, в которой до тех пор вовсе не читались естественные науки, устраивает кафедру физиологии, а кое-где вы с изумлением встречаете кафедры стенографии и даже френологии».

«Судя по общему характеру американцев, мы думаем, что эта печать новизны и какой-то *временности* никогда не сотрется с их установлений. Они все спешат вперед и строят новое с уверенностью, что следующее за ними поколение опять все будет перестраивать. Здесь нет той *английской прочности*, которая рассчитывается на века и бережно сохраняет наследия столетий» [с.227].

НАРОДНЫЙ ИДЕАЛ ВОСПИТАНИЯ И ЕГО ТЕОРИЯ В ГЕРМАНИИ

18. Народный идеал человека:

- в основании особенной идеи воспитания у каждого народа лежит особенная идея о человеке, о том, каков должен быть человек по понятиям народа в определенный период народного развития. «Каждый народ имеет свой особенный *идеал человека* и требует от своего воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях. Идеал этот у каждого народа соответствует его характеру, определяется его общественной жизнью, развивается вместе с его развитием, и выяснение его составляет главнейшую задачу каждой народной литературы» [с.228].

- «Народный идеал человека, к какому бы веку он ни принадлежал, всегда хорош относительно этого века. Немногие в обществе бывают выше его (это исключения), большинство ниже его, но в глубине души каждого шевелятся его черты. Сознавая всю недоступность этого идеала для себя лично, человек тем не менее берет его за образец, когда начинает судить о других людях (на этом основана возможность общественного мнения)... Естественно, таким образом, что эти требования должны различаться по народам и изменяться в одном и том же народе с его историческим развитием» [с.229].

19. Притязания германской педагогики на общечеловеческую универсальность: германская педагогика думает строить свою теорию воспитания

на основании общих свойств и потребностей человека, таким образом, превратив ее в универсальную, пригодную для любого абстрактного человека вообще. Нам не составляет никакого труда увидеть, что эта цель продиктована именно германским народным идеалом. Мы «видим в этих стремлениях к универсальности конкретнейшее выражение чисто германского характера, в этой универсальной науке – чисто немецкую систему воспитания, соответствующую как нельзя более немецкому характеру и совершенно противоречащую характерам других народов» [с.230]. Т.о., германская педагогическая теория напрасно претендует на звание универсальной.

20. Народные черты германского характера, отражающиеся в его педагогике:

- «Раннее стремление к отвлечениям и общим выводам, занимающим в Германии место фактов, над наблюдением которых изощряется ум англичанина, действует, по замечанию г. Визе и других, чрезвычайно вредно на молодых людей и убивает в них охоту к дельному изучению, развивая привычку пользоваться скороспелыми плодами» [с.236-237].

- Вредоносный элемент немецкой спекулятивности – «Философское направление общественного образования в этой стране... отражается в недоученой толпе пустейшей страстью к системе, которой не из чего выстроить, стремлением все подводить под одно отвлеченное и пустое начало и все объяснять этим спекулятивным началом, не принимая на себя труда основательного изучения» [с.239].

- «Германская педагогика, увлеченная философским направлением, внесла его даже в элементарные школы, и если ранее умственное развитие детей невольно поражает в них наблюдателя, то он напрасно будет искать вне школы плодов этого развития. Развитие это было преждевременно, вызвано сообщением идей учителя ученику, а не самостоятельной работой над фактами, и потому редко приносит желаемый плод» [с.239].

Беда германской педагогики в том, что она слишком много копается в душе ребенка. «Творец не без намерения скрыл везде процессы жизни. Желая видеть растение, мы прячем семя его в землю, подготовленную для него заранее, и предоставляем природе, которая начинает свою тайную работу. Германская же педагогика с своими облегчающими методами хочет подглядывать действия природы и управлять ими: она не выпускает семени из рук и постоянно вытаскивает его наружу. Мудрено ли, что растение будет вяло, и если даст плод, то самый тощий. Такое наблюдение над развитием души полезно для науки (психологии), но вредно в деле практическом, каково воспитание» [с.240].

21. Русская и германская педагогика: зарождающаяся во времена Ушинского русская педагогика обратилась за материалом к педагогике германской. Здесь ее подстерегает опасность, увеличенная «необыкновенной восприимчивостью славянской природы». Однако другие свойства нашей природы – «на-

ша славянская беспечность и наше богатство верных природных инстинктов не дадут у нас укорениться спекулятивной болезни, как укоренилась и распространилась она в философской Германии. Как бы ни прельстились мы немецкой системой, как бы ни овладела она нашим мышлением, мы никогда не перенесем ее в наш характер и в нашу жизнь. Наша славянская непоследовательность, основания которой иногда чрезвычайно глубоки, спасет нас» [с.241].

22. Роль народного характера в общественном воспитании:

- Основания, формы и цель воспитания определяются у каждого народа его уникальным народным идеалом человека, поэтому всюду они различны. Но педагогические частности могут свободно переходить от одного народа к другому. Можно и должно заимствовать методы, средства изобретения, но нельзя заимствовать чужой характер и ту систему, в которой выражается этот характер.

- «Система общественного образования у каждого народа запечатлена его характером и отражает достоинства и недостатки этого характера, которые иногда так соединены между собой, что их разделить невозможно. Одно и то же народное свойство является то достоинством, то недостатком, смотря по той сфере, в которой оно отражается» [с.244].

23. Типичный вопрос: «может быть, возможно, заимствуя из каждой народной системы воспитания то, что достойно в ней подражания, составить одну, общую, совершеннейшую?» Ответ: нет, потому что «школьное воспитание далеко не составляет всего воспитания народа. Религия, природа, семейство, предания, поэзия, законы, промышленность, литература – все, из чего слагается историческая жизнь народа, составляет его действительную школу, перед силой которых сила учебных заведений, особенно построенных на началах искусственных, совершенно ничтожна. Невозможно так изолировать воспитание, чтобы окружающая его со всех сторон жизнь не имела на него влияния. Она постоянно будет вносить свои убеждения и в учителей, и в учеников, придавать особенный оттенок лекциям первых и давать направление восприимчивости вторых» [с.244-245].

ХАРАКТЕР. ЭЛЕМЕНТ НАРОДНОСТИ В ХАРАКТЕРЕ ЧЕЛОВЕКА

24. Характер человека: состоит из двух взаимодействующих между собой элементов:

- природные задатки, темперамент, коренящийся в телесном организме человека. Влияет на образование характера человека.
- духовная сторона, вырабатываемая в жизни, под влиянием воспитания и обстоятельств: приобретаемые убеждения и привычки, образ мыслей и действий. Отражается в телесной стороне человека, т.о. идея характера начертывается во внешности человека.

25. Элемент народности в характере человека: «Но как ни разнообразны

человеческие типы у образованных народов вследствие бесконечного разнообразия типов родовых, семейных и личных, *природа всегда успеваает в бесчисленном множестве характеристических черт в наружности человека выдвинуть на первый план черту народности*. Эта черта по большей части бывает так ясна, что небольшого навыка достаточно, чтобы угадать по первому взгляду француза, англичанина, итальянца, немца или русского, хотя у всех этих народов царствует бесконечное разнообразие физиономий» [с.250].

ВОСПИТАНИЕ И ХАРАКТЕР. РОЛЬ НАРОДНОСТИ В ВОСПИТАНИИ

26. Два концептуальных подхода к воспитанию: «должно ли воспитание, изучив вверенный ему характер, принять его природные особенности в основание своих действий, или оно может, не обращая внимания на природные задатки, создавать по своему собственному образцу *вторую природу* для человека?» [с.250].

- «Выполнение первой задачи весьма трудно, а для общественного воспитания, о котором мы говорим здесь, и вовсе невозможно. Оно требует такого глубокого изучения характера каждого воспитанника и такого умения пользоваться природными склонностями, которого никто, конечно, не станет требовать от воспитателя в общественном заведении. Лучший воспитатель, посвятивший себя всего на свое дело (а много ли таких?), подметит только немногие, более выдающиеся черты и редко доберется до их корня. Обыкновенно же практика образует в голове воспитателя несколько рубрик, под которые он будет потом подводить все представляющиеся ему детские характеры... Но каждая из этих черт – тупость, леность, злость и пр. – может в двух различных натурах иметь совершенно различные корни и требовать от воспитателя совершенно различных мер» [с.250-251].

XXI век. К вопросу о возможности организации массового образования на основе личностно-ориентированного подхода

- «Гораздо легче держаться одного принятого идеала воспитания и, не обращая особенного внимания на мелкие различия характера, стараться внести в них этот идеал: превратить его во вторую природу человека, искореняя все, что с ним не согласно» [с.251]. «Для того чтобы воспитание могло создать для человека вторую природу, необходимо, чтобы идеи этого воспитания переходили в убеждения воспитанников, убеждения – в привычки, а привычки - в склонности. Когда убеждение так вкоренилось в человеке, что он повинуется ему прежде, чем думает, что должен повиноваться, тогда только оно делается элементом его природы» [с.251]. Однако такой характер, созданный воспитанием и жизнью, никогда не может иметь той крепости и силы, которыми отличается прирожденный характер.

27. Роль народности в общественном воспитании:

- сила характера черпается из природных источников души, и воспитание должно беречь эту силу как свою опору. Однако эта сила слепа, она одинаково готова разрушать и творить, смотря по направлению, которое ей дано. Все решается наклонностями человека и теми убеждениями, которые приобрели в нем силу наклонностей. «Воспитание должно просветить сознание человека, чтоб перед глазами его лежала ясно дорога добра. Но этого мало. Каждый из нас видит прямую дорогу, но многие ли могут похвалиться, что никогда не уклонялись от нее? Побеждать свои природные влечения каждую минуту – дело почти невозможное, если посреди этих влечений мы не находим себе помощника... Есть одна только общая для всех природная наклонность, на которую всегда может рассчитывать воспитание: это то, что мы называем *народностью*. Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями. Обращаясь к народности, воспитание всегда найдет ответ и содействие в живом и сильном чувстве человека, которое действует гораздо сильнее убеждения, принятого одним умом, или привычки, вкорененной страхом наказаний» [с.252].

- «...воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа» [с.253].

- народность до сих пор является единственным источником жизни народа в истории. В силу особенности (т.е. уникальности) своей идеи, вносимой в историю, народ является в ней исторической личностью. Особенность (уникальность) народной идеи есть принцип жизни народа. «Наука же, идеи которой общи для всех, не жизнь, а одно сознание законов жизни...» [с.253]

- «Но если народность является единственным источником исторической жизни государства, то само собой разумеется, что и отдельные члены его могут черпать силы для своей *общественной* деятельности только в этом источнике» [с.253]. Воспитывая в человеке будущего члена общества нельзя оставить без развития именно ту сторону его характера, которая связывает его с обществом.

к чести Ушинского, именно это уточнение - роль народности в общественном воспитании позволяет не трактовать его концепцию близко к пресловутому "православию, народность и самодержавие"

- «Есть только один идеал совершенства, пред которым преклоняются все народности, « это идеал, представляемый нам христианством... за ним должно стремиться развитие всякой народности и всякое истинное воспитание, идущее вместе с народностью» [с.254-255].

28. Основы общественного воспитания каждого европейского народа:

- народность: что это такое мы можем видеть по приведенным Ушинским в начале этой статьи фактам, раскрывающим национальные особенности общественного воспитания у главнейших народов мира.

- христианство: один из главнейших элементов образования у народов Европы и Америки

- наука: развитие сознания есть и одна из главных целей воспитания, и истины науки являются орудиями этого развития.

29. Роль общественного мнения в воспитании: огромна. «Возбуждение общественного мнения в деле воспитания есть единственно прочная основа всяких улучшений по этой части: где нет общественного мнения о воспитании, там нет и общественного воспитания, хотя может быть множество общественных учебных заведений» [с.256]. Общественное воспитание только тогда оказывается действительным, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всех и семейными вопросами для каждого. Система общественного воспитания, чтобы не быть бессильной, должна выходить из общественного убеждения.

Приложение 3

Произведения К.Д. Ушинского:

1. Архив К.Д. Ушинского / Акад. пед. наук. РСФСР, Ин-т теории и истории педагогики; сост. В. Я. Струминский. – М., 1962. – Т. 4 : Ранние работы первого десятилетия научно-литературной деятельности К.Д. Ушинского (1846-1856 гг.). – 719 с.

2. Заюшкина избушка: [русская народная сказка]; [обработ. К.Д. Ушинский]. – М., 2006. – 11 с.

3. Колобок: русская народная сказка / переск. К. Д. Ушинский. – М., 1996. – 12 с.

4. Русские народные сказки для маленьких детей: В излож. [К.Д. Ушинского, Л. Толстого, Н. Тулупова, О. Роговой и др. / Под ред. М. Х. Свентицкой; С оригин. рис. худож. В. Замирайло. – М., [1910]. – 48 с.: ил. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003772602#?page=5>

5. Ушинский / сост. П.А. Лебедев. – М., 1998. – 224 с. (Антология гуманной педагогики).

6. Ушинский, К.Д.: Наука и искусство воспитания / сост. С Ф. Егоров. – М., 1994. – 208 с. (Педагогическое наследие).

7. Ушинский, К.Д. Бишка: [рассказы] / К.Д. Ушинский. – М., 1987. – 57 с.

8. Ушинский, К.Д. Бишка: рассказы и сказки / К.Д. Ушинский. – Иваново, 1962. – 45 с.

9. Ушинский, К.Д. Волк и лиса / К.Д. Ушинский. – Минск, 1998. – 23 с.

10. Ушинский, К.Д. Воспитание человека: статьи: произведения для детей / К.Д. Ушинский. – М., 2000. – 256 с.
11. Ушинский, К.Д. Детский мир: хрестоматия / К.Д. Ушинский. – М., 2009. – 671 с. .
12. Ушинский, К.Д. Детям: рассказы и сказки / К.Д. Ушинский. – М., 1978. – 46 с.
13. Ушинский, К.Д. Для детей: Рассказы и сказки / К.Д. Ушинский. – М., 1974. – 155 с.
14. Ушинский, К.Д. Жалобы зайки: рассказы и сказки: [для младшего школьного возраста] / К.Д. Ушинский. – М., 2010. – 60 с.
15. Ушинский, К.Д. Избранные педагогические сочинения / К.Д. Ушинский; с вводной статьей и примечаниями В.Я. Струминского. – М., 1939. – Т. 2. – 468 с. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01007500657#?page=5>
16. Ушинский, К.Д. Как рубашка в поле выросла: [рассказы; истории: сказки] / К.Д. Ушинский. – Ярославль, 1972. – 53 с.
17. Ушинский, К.Д. Ласточка / К.Д. Ушинский. – М., 1985. – 23 с.
18. Ушинский, К.Д. Лиса Патрикеевна: [для дошкольного и младшего школьного возраста] / К.Д. Ушинский. – М., 2013.
19. Ушинский, К.Д. Педагогические сочинения / К.Д. Ушинский. – В 6 т. – М., 1988.
20. Ушинский, К.Д. Плутишка кот: любимые сказки: [для младшего школьного возраста] / К.Д. Ушинский. – М., 2014. – 78 с.
21. Ушинский, К.Д. Поездки по России: методический материал / К.Д. Ушинский. – Ярославль, 1969.
22. Ушинский, К.Д. Рассказы и сказки: [для среднего школьного возраста] / К.Д. Ушинский. – М., 2012. – 65 с.
23. Ушинский, К.Д. Рассказы о детях: [для начальной школы] / К.Д. Ушинский. – М., 1973.
24. Ушинский, К.Д. Рассказы / К.Д. Ушинский. – М., 2005. – 12 с.
25. Ушинский, К.Д. Родное слово: Кн. для детей и родителей / К.Д. Ушинский. – М., 2003. – 494 с.
26. Ушинский, К.Д. Сказки и рассказы: [для чтения взрослыми детям] / К.Д. Ушинский. – Ярославль, 2015. – 133 с.
27. Ушинский, К.Д. Сказки / К.Д. Ушинский. – М., 2011. – 77 с.
28. Ушинский, К.Д. Слепая лошадь: [Рассказ. для ст. дошкол. возраста] / К.Д. Ушинский. – Новосибирск, 1979. – 14 с.
29. Ушинский, К.Д. Спор деревьев: сказки про зверей / К.Д. Ушинский. – Л., 1961. – 32 с.

30. Ушинский, К.Д. Сумка почтальона: рассказы и сказки / К.Д. Ушинский. – М., 1977. – 31 с.

31. Ушинский, К.Д. Утренние лучи и другие произведения для детей: [для младшего школьного возраста] / К.Д. Ушинский. – М., 2011. – 234 с.

32. Ушинский, К.Д. Человек как предмет воспитания / К.Д. Ушинский. – СПб., 1907. – Т. 1. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01005441997#?page=1>

33. Ушинский, К.Д. Человек как предмет воспитания / К.Д. Ушинский. – СПб., 1905. – Т. 2. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01005442002#?page=1>

34. Ушинский, К.Д. Четыре желания / К.Д. Ушинский. – М., 1987. – 29 с.

Литература о жизни и творчестве К. Д. Ушинского:

1. Абрамова, А.Г. К.Д. Ушинский о подготовке детей к школьному обучению / А.Г. Абрамова // Дошкольное воспитание. – 1959. – № 10. – С. 56-62.

2. Аверьянова, Л.Н. К.Д. Ушинский и современная педагогика / Л.Н. Аверьянова // Педагогический журнал Башкортостана. – 2010. – № 4 (29). – С. 92-105.

3. Аксенова, Э.А. Психологическая система в педагогическом наследии Ушинского / Э.А. Аксенова // Школьные технологии. – 2014. – № 5. – С. 32-41.

4. Бельский, В.Ю. К.Д. Ушинский о национальном характере воспитания / В.Ю. Бельский // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 6. – С. 203-213.

5. Близнюк, С. К.Д. Ушинский о связи обучения с воспитанием / С. Близнюк // Народное образование. – 1973. – № 4. – С. 81-83.

6. Богуславский, М.В. Подвижники и реформаторы российского образования: ист.-биограф. Очерки / М.В. Богуславский. – М., 2005. – 190 с.

7. Буркова, Т.В. К.Д. Ушинский об упражнениях при обучении грамматике и правописанию: к 160-летию со дня рождения / Т.В. Буркова // Начальная школа. – 1984. – № 11. – С. 76-77.

8. Вавилова, Н.С. К.Д. Ушинский в Ярославле: [о жизни и деятельности рус. педагога в 1846-1849 гг.] / Н.С. Вавилова // Начальная школа. – 1994. – № 3. – С. 10-12.

9. Ветлугин, А. Ушинский об учителе / А. Ветлугин // Народное образование. – 1974. – № 2. – С. 112-115.

10. Вульфсон, Б.Л. К.Д. Ушинский – основоположник сравнительной педагогики в России: (к 190-летию со дня рождения) / Б.Л. Вульфсон // Педагогика. – 2015. – № 2. – С. 105-111.

11. Гончаров, Н.К. Педагогическая система К.Д. Ушинского / Н.К. Гончаров, – М., 1974.

12. Гончаров, Н.К. Ушинский – основоположник народной школы / Н.К. Гончаров // Народное образование. – 1974. – № 2. – С. 102-112.

13. Горецкий, В.Г. К.Д. Ушинский об обучении детей чтению / В.Г. Горецкий // Начальная школа. – 1974. – № 3. – С. 12-18.
14. Егоров, С.Ф. К. Д. Ушинский: книга для учащихся / С.Ф. Егоров. – М., 1977. – 140 с.
15. Ермилов, В.Е. Идеалы воспитания: К.Д. Ушинский / В.Е. Ермилов. – М., 1906. – 28 с. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003734645#?page=36>
16. Ермолин, Е.А. Константин Дмитриевич Ушинский / Е.В. Ермолин. – Ярославль, 2014. – 70 с.
17. Ермолин, Е. Поклон Ушинскому: Сегодня исполняется 175 лет со дня рождения великого педагога/ Е. Ермолин // Северный край. – 1999. – 2 марта.
18. Жизнь и наследие К.Д. Ушинского: Межвуз. сб. науч. тр. – Ярославль, 1986. – 124 с.
19. Землянская, Н.С. К вопросу о доме, где жил Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле / Н.С. Землянская // Роль творческой личности в развитии культуры провинциального города: четвертые Алмазовские чтения: материалы международной научной конференции, [посвященной 160-летию со дня начала педагогической деятельности К.Д. Ушинского в Ярославле (10-11 ноября 2006 г.)]. – Ярославль, 2006. – С. 113-118.
20. Зеньковский, В.В. К Д. Ушинский: (Эссе об Ушинском. К 120-летию со дня рождения) / В.В. Зеньковский // Педагогика. – 2001. – № 6. – С. 67-71.
21. Зимина, Л.В. К.Д. Ушинский – переводчик / Л.В. Зимина // Труды Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. – 2006. – Вып. 4: Литературоведение. – С. 69-82.
22. Злотникова, Т.С. Наш современник Константин Дмитриевич / Т.С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 3 (июль-сентябрь). – С. 96.
23. Иванов, А.Г. К.Д. Ушинский (1824-1870). Биогр. Очерк / А.Г. Иванов. – Ярославль, 1949. – 68 с.
24. Иванов, А.Н. К.Д. Ушинский. Гимназист. Студент. Профессор / А.Н. Иванов. – Ярославль, 1973. – 238 с.
25. Иванов, А.Н. Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле: Исследования и документы о науч.-пед. и лит. Деятельности / А.Н. Иванов. – Ярославль, 1963.– 492 с.
26. Иванов, А.Н. О дате рождения К. Д. Ушинского / А.Н. Иванов // Жизнь и наследие К.Д. Ушинского. – Ярославль, 1986. – С. 40-47.
27. К.Д. Ушинский: библиогр. указ. тр. и лит. о жизни и деятельности К.Д. Ушинского, 1848-1984 / АПН СССР, Гос. науч. пед. б-ка им. К.Д. Ушинского. – М., 1985. – 485 с.

28. К.Д. Ушинский и Ярославский край: (К 150-летию со дня рождения). Рек. указ. литературы. – Ярославль, 1974. – 16 с.
29. Кадашевский, А.А. Русский элемент в школе /А.А. Кадашевский: 2 марта 1824 г. // Русский Дом. – 2014. – № 3. – С. 33 : ил.
30. Карпова, Т.В. Великий русский педагог-демократ К.Д. Ушинский / Т.В. Карпова, В.В. Карпов. – Ярославль, 1975. – 135 с.
31. Князев, Е. Константин Ушинский: наш народный педагог / Е. Князев // Дошкольное воспитание. – 2013. – № 3. – С. 95-104.
32. Кондратьева, Г.В. К.Д. Ушинский и преподавание математики / Г.В. Кондратьева // Математика в школе. – 2014. – № 3. – С. 65-70.
33. Константин Дмитриевич Ушинский (1824-1871) // Мир библиографии. – 2009. – № 5. – 3-я с.
34. Константин Дмитриевич Ушинский // Стратегия России. – 2011. – № 8. – С. 80-81.
35. Константин Дмитриевич Ушинский. 1824-1871. Жизнь и деятельность в портр., ил. и документах: учеб.-нагляд. пособие / сост. М.С. Гриценко. – Киев, 1974. – 122 с.
36. Кругляк, М.И. К.Д. Ушинский о преподавании истории / М.И. Кругляк // Преподавание истории в школе. – 1974. – № 1. – С. 15-19.
37. Лебедев, А.М. Педагог русских педагогов – К. Д. Ушинский: (к 190-летию со дня рождения) / А.М. Лебедев // Русский язык в школе. – 2014. – № 5. – С. 61-67.
38. Мазиллов, В.А. К. Д. Ушинский в Демидовском лицее: на пути к творческой педагогике / В.А. Мазиллов // Для великого блага Отечества...: Демидовские чтения. – Ярославль, 1998. – С. 64-66.
39. Мазиллов, В.А. Проект практической психологии К.Д. Ушинского /В.А. Мазиллов // Человек. – 2015. – № 6. – С. 107-117
40. Медянцева, И.П. «Опасный государственный преступник» (Константин Ушинский): Пьеса. В 3 д. / И.П. Медянцева. – Ярославль, 2003. – 80 с.
41. Месеняшин И. Ушинский о педагогической литературе / И. Месеняшин // Народное образование. – 1974. – № 2. – С. 116-118.
42. Минковский, В.Л. К.Д. Ушинский о начальном обучении математике / В.Л. Минковский // Начальная школа. – 1974. – № 2. – С. 60-63.
43. Никулина, Е.Н. Категории личности и природы человека в педагогической антропологии К.Д. Ушинского и свт. Феофана Затворника / Е.Н. Никулина // Педагогика. – 2011. – № 7. – С. 84-92.
44. Новое об Ушинском: (Исслед. и материалы о жизни, деятельности и педагогическом наследстве. Сборник. – Ярославль, 1981. – 113 с. (Межвуз. сб. науч. тр. / Яросл. гос. пед. ин-т. Вып. 193)

45. О педагогическом наследии К.Д. Ушинского. Материалы чтений памяти великого педагога. – Ярославль, 1972. – 150 с.
46. Озерская, Ф.С. К.Д. Ушинский и земская школа: [влияние К.Д. Ушинского на постановку учеб.-воспит. работы в школе (создание местных училищных советов, введение классной системы, звукового метода обучения)] / Ф.С. Озерская // Советская педагогика. – 1974. – № 2. – С. 48-56.
47. Ососков, А.В. К.Д. Ушинский о всеобщем обучении // А. В. Ососков / Советская педагогика. – 1974. – № 2. – С. 40-48.
48. Педагогические идеи К.Д. Ушинского и современность. Материалы научной конференции. – Ярославль, 1975. – 141 с. (М-во просвещения РСФСР. Яросл. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского. Сборник науч. трудов № 137)
49. Перминова, Л.М. Немеркнувший свет идей К. Д. Ушинского / Л.М. Перминова // Педагогика. – 2014. – № 2. – С. 90-95.
50. Песковский, М.Л. К.Д. Ушинский, его жизнь и педагогическая деятельность: Биогр. очерк М.Л. Песковского. – СПб., 1893. – 80 с.
URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003633905#?page=2>
51. Песталоцци. Новиков. Карамзин. Ушинский. Корф :биогр. повествования / [сост., общ. ред. Н. Ф. Болдырева; послесл. В. И. Окунева]. – Челябинск, 1997. – 521 с.
52. Пефтиев, В.И. К.Д. Ушинский – российский энциклопедист XIX в.: [очерки] / В.И. Пефтиев. – Ярославль, 2006. – 189 с.
53. Пефтиев, В.И. К.Д. Ушинский как экономист /В.И. Пефтиев // Обществознание: содержание и преподавание. – Ярославль, 2006. – С. 136-141.
54. Пефтиев, В.И. Ушинский в Ярославском крае / В.И. Пефтиев // К.Д. Ушинский - российский энциклопедист XIX в. – Ярославль, 2006. – С. 29-48.
55. Плеханов, А.В. К.Д. Ушинский о воспитании потребности в труде: к 150-летию со дня рождения / А.В. Плеханов // Школа и производство. – 1974. – № 2. – С. 3-8.
56. Потапов, С.М. К.Д. Ушинский о важнейших качествах речи учителя / С.М. Потапов // Начальная школа. – 1970. – № 9. – С. 58-60.
57. Потапов, С.М. К.Д. Ушинский о связи преподавания русского языка с жизнью / С.М. Потапов // Русский язык в школе. – 1964. – № 1. – С. 82-87.
58. Прохоров, А.В. Научно-педагогическое представление о человеке и его саморазвитии в контексте идей К.Д. Ушинского /А.В. Прохоров // Педагогическое образование и наука. – 2013. – № 3. – С. 59-63.
59. Размыслов, П.И. К.Д. Ушинский о возрастных особенностях детей / П.И. Размыслов // Начальная школа. – 1961. – № 1. – С. 59-61.

60. Роботова, А.С. Служение педагогике и образованию: К 185-летию со дня рождения К.Д. Ушинского / А.С. Роботова // Вестник Герценовского университета. – 2009. – Вып. 2. – С. 51-59.

URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sluzhenie-pedagogike-i-obrazovaniyu-k-185-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-k-d-ushinskogo>

61. Романовский, А.К. Жизнь во имя будущего: очерк научно-педагогической и литературно-публицистической деятельности К.Д. Ушинского / А.К. Романовский, И.Я. Барсук; ред. В.И. Войтко. – Киев, 1974. – 120 с.

62. Саморукова, П. К.Д. Ушинский о природе в первоначальном обучении / П. Саморукова // Дошкольное воспитание. – 1968. – № 12. – С. 34-40.

63. Северина, О.В. Константин Ушинский: в ответе за тех, кого научили / О.В. Северина // Виноград. Журнал для родителей. – 2014. – № 6 (62). – С. 74-81. URL: <http://www.vinograd.su/education/detail.php?id=48437>

64. Сергеенкова, Е.И. Идеи правового воспитания в педагогическом наследии К.Д. Ушинского / Е.И. Сергеенкова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – Вып. 1. – С. 41-45.

65. Соловейчик, С.Л. Заветные мысли Ушинского // Вестник Московского университета. Сер. 20, Педагогическое образование. – 2010. – № 1. – С. 74-78.

66. Соловейчик, С.Л. Час ученичества: жизнь замечательных учителей / С.Л. Соловейчик. – 2-е изд., доп. – М., 1972. – 256 с.

67. Соловков, И.А. Великий русский педагог К.Д. Ушинский: к 170-летию со дня рождения / И.А. Соловков // Начальная школа. – 1994. – № 3. – С. 4-9.

68. Степанова, М. Учитель русских учителей: Константин Дмитриевич Ушинский (1824-1870) / М. Степанова // Школьный психолог: методическая газета для педагогов-психологов. – 2014. – № 3. – С. 9-13

69. Струминский, В.Я. Основы и система дидактики К.Д. Ушинского / В.Я. Струминский. – М., 1957.

70. Талалаева, Л.Ф. К.Д. Ушинский о принципах развивающего обучения родному языку / Л.Ф. Талалаева // Советская педагогика. – 1977. – № 3. – С. 104-109.

71. Филипповский, Г.Ю. К.Д. Ушинский о подлинности «Слова о полку Игореве» / Г.Ю. Филипповский // Культура. Литература. Язык: [материалы конференции «Чтения Ушинского» / под ред. М. Ю. Егорова]. – Ярославль, 2009. – С. 166-172.

72. Флеров, А.П. Константин Дмитриевич Ушинский / А.П. Флеров // Педагогика. – 2006. – № 2. – С. 71-76.

73. Фотеева, А.И. К.Д. Ушинский - детям / А.И. Фотеева // Дошкольное воспитание. – 1972. – № 7. – С. 25-31.

74. Фролова, О.К. К.Д. Ушинский о воспитании детей дошкольного возраста / О.К. Фролова // Дошкольное воспитание. – 1956. – № 3. – С. 6-14.

75. Харабуга, Г.Д. К. Д. Ушинский о физическом воспитании / Г.Д. Харабуга // Советская педагогика. – 1962. – № 2. – С. 88-95.

76. Хуторской, А.В. Дидактическая система К.Д. Ушинский / А.В. Хуторской // Школьные технологии. – 2010. – № 5. – С. 67-70.

77. Черняковская, Н.Э. М.К. Цебрикова о работе К.Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» / Н.Э. Черняковская // Педагогика. – 2012. – № 10. – С. 75-87.

78. Шаин, Е.Г. Дата рождения К. Д. Ушинского / Е.Г. Шаин // Педагогика. – 2004. – № 4. – С. 63-64.

79. Шаин, Т. Верните Ушинскому его год рождения / Т. Шаин // Российская газета. – 2004. – 17 марта. – С. 10.

80. Шарков, А.С. К.Д. Ушинский о языке и обучении / А.С. Шарков // Русская речь. – 1971. – № 4. – С. 98-103.

81. Шеховская, Н.Л. И.А. Ильин и К.Д. Ушинский: «диалог» о духовности / Н.Л. Шеховская // Педагогика. – 2005. – № 10. – С. 68-72.

82. Шеховская, Н.Л. К.Д. Ушинский и В.В. Зеньковский: педагогические параллели / Н.Л. Шеховская // Литература в школе. – 2007. – № 11. – С. 47-48.

83. Шеховская, Н.Л. К.Д. Ушинский и Н.А. Бердяев: духовность как нравственная основа личности / Н.Л. Шеховская // Педагогика. – № 5. – С. 77-82.

84. Шулепова, Е. Право на биографию / Е. Шулепова // Российская газета. – 2013. – № 26 (7-13 февраля). – С. 14.

Произведения К. Д. Ушинского, опубликованные в сборниках, журналах, газетах:

1. Мена: русские народные сказки в обработке К. Ушинского и А. Афанасьева; худож. Г. Линде. – М., 2004. – 16 с.

2. Ушинский, К.Д. Деловые статейки: их значение / К.Д. Ушинский // Вестник Московского университета. – Сер. 20, Педагогическое образование. – 2014. – № 3. – С. 105-107.

3. Ушинский, К.Д. Письма о воспитании наследника русского престола / К.Д. Ушинский // Искусство и образование. – 2015. – № 2. – С. 80-113.

Научное издание

Владимир Сергеевич Зайцев

Одушевлённая педагогика:
феномен педагогического наследия
К.Д. Ушинского

Учебное пособие

Изд-во ЗАО «Библиотека А.Миллера»,
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 159

Подписано в печать 16.11.2018. Формат бумаги 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 4,5 Уч.-изд. л. 5,0. Тираж 100 экз. Заказ № 44.
Отпечатано на лазерном принтере. Бумага «Снегурочка». Цена свободная.

ИП Петров А.И. ИНН 7447002994728.
Свидетельство: Серия 74 № 002890022 от 14 января 2005 г.
выдано Администрацией Калининского р-на г. Челябинска.
454001, г. Челябинск, пр. Бр. Кашириных, 108-а.
Телефоны: раб. +7 (351) 795-80-30, сот. +7-908-081-48-14